

СЕРГЕЙ ЖОГОЛЬ
ПРАЩУРЫ РУСИЧЕЙ

Сергей Жоголь

Пращурь русичей

«Издательские решения»

Жоголь С.

Пращуры русичей / С. Жоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741129-9

Первая книга из цикла романов о зарождении Руси. Среди просторов Балтии, на острове Руяне, когда-то стоял город-храм — Аркона. Лучшие воины Поморья стерегли этот храм, потому даже бесстрашные скандинавы-викинги, от одного имени которых содрогалась вся Европа, избегали стычек с витязями Арконы. Одни звали их ранами, другие — ругами, но нам эти воины стали известны под именем варяги «Русь».

ISBN 978-5-44-741129-9

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Книга первая	9
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	31
Глава четвёртая	41
Глава пятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пращурь русичей

Сергей Жоголь

Иллюстратор И. Ожиганов

Иллюстратор С. Жоголь

Дизайнер обложки С. Жоголь

© Сергей Жоголь, 2020

© И. Ожиганов, иллюстрации, 2020

© С. Жоголь, иллюстрации, 2020

© С. Жоголь, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-1129-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Он проснулся внезапно, вскочил и застыл, затаив дыхание. Сердце бешено стучало, к горлу подкатил ком. Через маленькое окошко в стене под потолком в спальню проникал тусклый свет, звёзды и луна всё ещё слали на землю свои угасающие лучи. Князь опустился на край постели и потянул ворот рубахи. Дышать стало легче. Холодная влага, которую он стер с лица, намочила сухую ладонь и заставила поверить в то, что пригрезившееся, не что иное, как сон.

«Сон! Да, да! Сон – видение, а я уж подумал... или она и впрямь была здесь, рядом со мной?» Князь стиснул ладонями голову и уставился в пустоту. Так он просидел до утра, пока петухи не начали голосить, и в спальню не проник первый солнечный луч. Скрипнула дверь, белобрысый служка просунул голову в щель и уставился на старика.

– Пить, – вполголоса произнёс князь. – Воды принеси колодезной.

Прислужник исчез, и, спустя некоторое время, вернулся с ковшем. Князь пил долго и жадно, паренёк глядел на хозяина с тревогой. Когда сосуд опустел, служка протянул руку, но старик, не выпуская ковша, подошёл к окну. Солнце на мгновение ослепило, князь прикрыл ладошкой глаза, зажмурился. Воспоминания лавиной обрушились на побелевшую от прожитых лет голову. «Годы бегут, и боги шлют мне новые испытания. Все эти сны, видения, может это и есть ответ?».

Он – умелый воин из знатного рода, пришёл сюда по приглашению старейшин и вождей. Он смог одолеть соперников и стал не просто главой союза племён, он принял титул князя, объединив окрестные земли и подчинив их жителей собственной воле. Он оборонял эти земли от варягов, которые приходили по морю, отражал набеги степняков, пресекал распри и усобицы. Он правил и вершил суд. Он имел многое, если не сказать – имел всё. Удача любила бесстрашного и мудрого князя, но всему приходит конец. Когда-то его дом был полон: четверо сыновей, три дочери – дети, которыми мог бы гордиться любой отец, составляли его наследие и радовали душу. Но время бежит, а милость богов уходит. Он потерял сыновей, а потом и дочери, одна за другой, покинули старика-отца, а он, по-прежнему, продолжал жить, стареть и править.

Что может быть хуже, чем пережить собственных детей?

Князь поднёс ковш к губам, но, поняв, что тот пуст, отшвырнул в сторону. Служка вздрогнул, втянул голову в плечи. Скрипнула дверь, князь повернулся. Молодой прислужник исчез, а на пороге стоял новый посетитель: седовласый старец пристально смотрел из-под пепельных бровей.

– Богумил? – удивился князь, – ты?

Тот, кого назвали Богумилом, огляделся. Несмотря на преклонный возраст, старый князь не утратил величия и стати: по-прежнему широк в плечах, в мышцах всё ещё просматривается былая мощь. Вошедший же, напротив, выглядел мелким и ничтожным рядом с великаном-князем. Но, от этого невзрачного и тщедушного с виду человечка исходила незримая сила.

– Я слишком стар и, порой, сам не ведаю того, что творю, – старичок закашлялся. – Частенько ноги сами несут меня куда-то, и я иду, подчиняясь их воле.

– Ты ведун и думаю, что ты оказался здесь не случайно. Ты-то и растолкуешь мне, что означал сегодняшний сон.

– Значит, ты понял, – старичок хихикнул. – Ну, так слушай. Ты давно мучаешься оттого, что жизнь твоя потеряла интерес и смысл. Словно слепец, нащупывающий дорогу посохом, ты шагаешь и не можешь понять, что тебя ждёт, а впереди лишь пустота, но ты не привык проигрывать.

Князь опешил, гость продолжал:

– Время пришло, и сегодня ты должен прозреть. Окупись в прошлое, вспомни свой сон, и тогда ты сам найдёшь ответ на главный вопрос. Неужели ты забыл сказанные мной когда-то слова: «Наследие получишь от женщины своей», – маленький кудесник отступил, попятился и исчез за дверью.

Князю стало не по себе. Воспоминания снова закружили бурным потоком.

Много лет кануло с тех пор, как он расстался со своими дочерьми. Старшую и младшую он отдал замуж за славянских князей с юга. Те были алчны и ничтожны, не могли защитить свои земли и платили дань соседям-степнякам.

– Эти слабы и покорны как овцы, – усмехнулся старый князь. – Нет, не здесь я отыщу наследника.

Две дочери вышли замуж и не оставили достойного потомства, но, была ещё она – Умила, средняя дочь, та о которой он вспоминал чаще, чем о других.

День прощания, тот самый, когда он видел Умилу последний раз, особенно запомнился князю. Он помнил, как она стояла, устремив взор в пустоту. В глазах девушки виднелись печаль и тоска. Умила покидала дом, друзей и подруг, что бы навсегда уехать в неведомую страну. Суровый воин в стальной рубахе-кольчуге, стоял и ждал с видом победителя. Именно тогда, видя в глазах дочери неизгладимую тоску, князь-отец засомневался:

«А нужна ли такая жертва? – но он сразу отбросил сомнения. – Нет, выбор сделан, слово дано, а значит, Умила покинет этот дом, сегодня и сейчас».

Корабль уплыл к берегам Балтии, и со временем князь почти перестал тосковать о дочери.

Сегодня, спустя столько лет, именно её – Умилу видел князь в своём сне. Огромное древо простиралось от чрева дочери, и люди приходили вкусить его плодов.

– Это не просто сон, – понял князь, на его лице появилась улыбка. – Да, да, это пророчество. От Умилы – средней дочери получу я наследников.

Он вскочил на ноги и закричал. Перепуганный служка влетел в спальню.

– Засылайте гонцов, зовите старейшин! Пусть идут на великий совет мужи от дерговичей и кривичей, веси и мерян¹. Пусть слушают мой наказ. Скоро явиться к нам новая жизнь. Проросло на свет древо, которое накормит и насытит люд человеческий! – старец захохотал. – Спасибо богам за виденье, это они открыли мне глаза и дали ответ.

Старик упал на колени. Он возносил руки к потолку, смеялся и плакал. Перепуганный служка взирал, то на обезумевшего князя, то на оброненный им ковш.

¹ Названия восточно-славянских и финно-угорских племён, составивших в последствии основное население Древней Руси.

Книга первая Приёмьш

Парус болтался, словно тряпка, то колыхался, то провисал, вселяя в плывущих невесёлые мысли. На море стоял штиль, и гребцы, изрядно притомившиеся, недобро поглядывали на прозрачное небо.

– Хоть бы тучка какая выползла, – рыжебородый мужик потянулся, распрямил спину и вновь налёг на рукоять весла.

Его сосед – молодой красномордый детина, глянул на опустевшие бочки и недовольно проворчал:

– Вода вышла, два дня уж в брюхе урчит, ещё немного и совсем сил не останется.

– И зачем Плоскиня велел парус поднять? Нет же ветра, – продолжил рыжебородый. Сидевшие рядом повернули головы и уставились на рослого мужика, стоявшего на корме. Кормчий – длинный как жердь, пристально разглядывал облака.

– Раз велел, значит неспроста, – встрял в беседу третий гребец. – Плоскиня мореход бывалый, каждый год по здешним водам ходит. Вы бы трепались меньше, да дело своё делали.

– А мы, что ж, не делаем!?! Спины затекли, руки стёрты, – вспыхнул красномордый.

Рыжий сосед ткнул здоровяка локтем, тот умолк. Из-под навеса, установленного перед вёсельными скамьями, выбрался молодой мужчина: лет тридцати, в расшитой шёлковой сорочке и мягких кожаных сапожках он заметно отличался от одетых в простые рубахи гребцов. Мужчина бегло глянул на притихших мореходов и поманил кормчего. Рослый Плоскиня протиснулся меж гребцами, раскланялся и принялся что-то объяснять богатому путешественнику. Мужчина в дорогой рубахе равнодушно поглядывал вверх. Над кораблём парили чайки, облака ползли медленно и вяло.

– Ишь, как перед княжичем выслуживается, – зло буркнул красномордый.

Его сосед не ответил и лишь сильнее сжал губы. Остальные гребцы тоже молчали. Княжич махнул рукой, Плоскиня вернулся на корму, остальные путешественники продолжали с волнением пялиться на важного пассажира.

Светло-голубые глаза, прямой нос, широковатые скулы, любой, не задумываясь, назвал бы его красавцем. Мощная грудь, играющие под рубахой бугорки мышц, наводили на мысль, что знатный вельможа, отнюдь, не хилак и неженка. Глядя на узкие кисти княжича, приходило на ум, что они не приучены ни к корабельному веслу, ни к сохе. Эти руки –

были руками воина, познавшего с ранних лет рукоять меча. Княжич, облокотившись на борт корабля, размышлял:

«Старый князь лишился рассудка. Как можно верить судьбу огромных земель во власть пришлых чужаков, – он нервно покусывал губу. – Вещие сны, видения, только эти скрипучие старцы-волхвы могли так растолковать сон старого глупца. Гостомysl уже не тот, кем был, а к власти нужно допускать тех, кто её достоин», – мужчина дёрнулся, прикрыв лицо рукой.

Большая чайка, пронеслась мимо. Выругавшись, княжич откинул упавшую на лоб прядь и про-
изнёс вслух:

– Придёт время, и я им покажу, кто истинный наследник.

Словно в подтверждение к сказанному, лёгкий бриз нарушил морское безветрие. Вете-
рок, слабый и робкий, наполнил повисшие паруса, и небольшое судёнышко резво помчалось
по волнам подобно стреле.

Глава первая Проклятие Вышеславы

1

Его звали Лучезар. Своего настоящего отца он не знал, да и не хотел знать, потому, что считал себя сыном княжича. Названный отец Лучезара – старший сын и наследник князя Гостомысла прославился в боях с варягами, которые постоянно грабили земли словен², силу его меча poznали и южане-кочевники. Богатые новгородские земли прямо таки манили воинственных соседей, которые жаждали отхватить жирный кусок от словенского пирога. Объединившись с кривичами и жившей на северо-востоке весью, словене образовали прочный союз племён, способный дать отпор как воинственным мореходам с варяжского моря, так и обложившим данью вятичей-южан степнякам. Выбор, как и Гостомysl, считался добрым воином и сыскал в народе славу удачливого полководца, но...

Сам князь не особо жаловал разудалого первенца. Рослый и статный Выбор – русоволо-сый красавец, уж больно был охоч до веселий и пиров. Жена княжича Вышеслава – родовитая кривичанка не часто видела законного супруга подле себя. Выбор с дружками постоянно где-то пропадал, и дома появлялся лишь наездами. Доброжелатели доносили молодой княжне, что муж промышляет не одной лишь охотой да воинскими забавами. Мысли о деревенских девках, с которыми проводит время горе-супруг, не давали покоя. Но, несчастная терпела, до поры до времени.

Знал о гульбе сына и князь. Но, поскольку эти забавы бывали недолговечными, и Выбор, каждый раз возвращался домой, Гостомysl подолгу не серчал, и проказы легко сходили гуляке с рук. Но однажды всё изменилось. Выбор пропадал целый месяц, и, вернувшись, предстал перед отцом, Гостомysl не узнал собственного сына. Княжич стоял хмурый и задумчивый, словно растерял всю свою беспечность и весёлый нрав. Молча выслушав упрёки отца, Выбор удалился. Гостомysl задумался. Он послал верных людишек, и те вскорости донесли: Выбор привёз с собой женщину – простолюдинку, поселил её в Новгороде, неподалёку от собственных хором.

«Ну, что с ним поделать? Не может ни одну юбку пропустить» – решил князь, и снова не придавал случившемуся значения.

Но слухи разрастались:

² Словене (ильменские славяне) – группа восточных славян, чьи земли являлись ядром Новгородской феодальной республики.

– Княжич-то молодой совсем стыд потерял. Целыми днями подле девки этой сидит, все прихоти её исполняет, словно она не баба простая, а княжна заморская, – судачили при дворе. – Про жену законную вовсе забыл. Сидит бедняжка одна-одинёшенька, горюшко мыкает, неровен час руки на себя наложит.

Старый князь, слушая пересуды да кривотолки, продолжал молчать.

«Ну, и что с того? – рассуждал Гостомysl. – Другие наскучили и эта надоест. Всё одно к жене вернётся».

Но, очередная новость переполнила чашу отцовского терпения.

Узнав, что новая зазноба сына не девка, а замужня женщина, и что княжич выкрал её у законного мужа, да не одну, а с дитём, Гостомysl пришёл в ярость. Выбора призвали ко двору.

– Ты что удумал? Зачем безродную в дом привёл, да ещё с выродком! – рывкнул князь на сына. – Чем чужих баб ублажать, лучше бы в жениной спальне чаще бывал. Пора законных детей заиметь, а не прибудных притаскивать. Гони любовницу прочь, не то наследства лишу!

Выбор стоял, блее белого:

– Прости, отец, да только сердцу не прикажешь. Люблю, а значит не отступлюсь!

Князь не узнавал сына.

– Гони, говорю любовницу, – князь топнул ногой. – Не будет в нашем роду приёмшей!

– Не погоню! А мальчика я уже признал.

– Что?! – Гостомysl аж позеленел. – Прочь! И пока дурь из тебя не выйдет, не возвращайся!

Гостомysла поразила реакция сына. Молодой бунтарь, опустив голову, вышел, обронив через плечо:

– Прощай. Чует сердце, не свидимся более...

Последние слова, прозвучали как приговор. Ощущение, что произошло что-то страшное, захлестнуло разум разбушевавшегося князя.

2

Вышеслава упала на колени:

– Прости ты его беспутного. Уж третий месяц пошёл. Упрям Выбор, своенравен, не вернётся ведь, пока не позовешь, уж я его знаю.

Когда молодая женщина вошла в покои, Гостомysl сразу и не признал красавицу невестку: скромный наряд, волосы убраны под платок, синяки под глазами.

– Уймись, дочка, нечего тут на коленях ползать, чай не холопка – княжна. Вставай, не позорься, – Гостомysl помог женщине подняться. – Муж твой набедокурил, за то и наказание. Побегает, помыкается да вернётся, тогда может и прощу.

– Да какое там, вернётся? Аль не знаешь его. Чует сердце, не свидимся боле, – Вышеслава всхлипнула, утерев слезу. – Сама виновата, не смогла дитя ему родить. Уж я и к бабкам всяким ходила, к знахаркам да ворожеям, да всё без толку. Вот он и привадил приемыша этого. Велел бы ты сыскать их, да позвал добром.

Гостомysl сдвинул брови:

– Нет уж, когда одумается, да покается... А ты давай, себя не кори, на Выборе вина, кабы дома больше бывал, а не по пирушкам шастал, глядишь и послали бы вам деток боги.

– Да помилуй, князь, муж-то мой, вон он какой. Девки на него так и зыркают, словно ухватить норовят. Где уж тут мужчине устоять? Самой мне от того нелегко, но смирилась я, пусть думаю тешится, лишь бы ко мне возвращался.

– Как бы он там не тешился, а вот о потомстве сын княжий думать должен. Род наш древний, нам законные наследники нужны, а не приёмши.

– Вот и я о том, а нечистую кровь и пролить не грех.

Князь в недоумении уставился на собеседницу. Та приблизилась и с заговорщическим видом прошептала:

– Я ведь не зря к знахаркам ходила. Гаданья гаданиями, а бабки-ворожеи, они ведь, всякие бывают: на кого порчу навести, а кого и вовсе сгубить.

Гостомыслу не понравилась улыбка невестки. Слёзы на лице женщины высохли, лицо исказила гримаса.

– Уймись, княжна. Так ведь и беду накликаешь недолго.

– Беду говоришь, и что с того? Раз уж муж мой мне не достанется, значит и другим его не видать, – Вышеслава глядела исподлобья. – Девка эта, судьбу мне сломала, а я что ж, простить должна? Разлучницу покарать, дело нужное, а что для женщины страшнее, чем смерть ребёнка?

Гостомысл отшатнулся:

– Остановись! Боги такого не прощают. Не дело это: младенцу погибели желать!

Вышеслава потянула себя за ворот, материя треснула, висевшие на шее бусы порвались. Жемчуг покатился по полу, но женщина этого даже не заметила. Она сдёрнула платок, расцарапав при этом шею, длинные косы рассыпались по плечам. Гостомысл невольно попятился. Вышеслава, вытянув шею, прошипела:

– Почему же только младенцу? Сам сказал: «не холопка я – княжна», а стало быть, и отомщу по княжьи, – женщина рассмеялась пискливым, отвратительным смехом. – Сходила я тут к одной кудеснице, ох и умелая ведьма. Для неё человека сгубить, что по воду сходить. Так вот, поколдовала она, да пообещала: «Коль не вернётся ко мне муж до весны, то умрёт дитя разлучницы. И сам ребёнок сгинет и весь род его вымрет, дочиста».

Пожав плечами, Вышеслава покинула хоромы.

– Вот баба глупая, аж пот прошиб, – Гостомысл поёжился. – Целому роду гибель предрекла. Ладно, чего это я? Месяц-другой пройдёт, и явится Выбор, не век же ему мыкаться.

Князь решил, что постарается забыть о пророчестве обезумевшей невестки, но...

3

Выбор не появился ни через месяц, ни через два, ни через год. Чувство, что он больше никогда не увидит своего первенца, всё больше и больше одолевало князя. Гостомысл уж не раз посылал следопытов, но те возвращались ни с чем. Пропащую троицу разыскать не удалось. Откуда взялась женщина, так приворожившая молодого княжича, и кто настоящий отец её ребёнка никто не знал. Всё меньше оставалось следов, меньше надежды увидеть сына. Не посещала больше князя и обезумевшая Вышеслава. Донесли, что удалилась она в какую-то глухую деревушку к дальним родичам, там и осталась. Гостомысл по невестке особо не горевал, но вот её слова, что весь род разлучницы вымрет, часто вспоминались князем.

Время шло, тучи сгущались. Первая беда пришла зимой. На воинских играх, в поединке получил серьёзную рану младший сын князя Словен. Один из наставников княжича – варяг из данов³ по имени Лейв, не рассчитав удара. Словен схватился за бок, застонал.

– Ребро сломано, не иначе! – выкрикнул кто-то из наблюдателей.

Княжьи пестуны⁴ хотели прервать поединок, но гордый юноша не позволил остановить схватку. Вскоре он побледнел и потерял сознание. К вечеру княжич умер, не приходя в себя. Князь был чернее тучи. От неминуемой расправы Лейва спас жрец Богумил. Варяга выгнали из дружины, но сохранили жизнь. Бывший воин стал обычным прислужником, и с той поры старался не попадаться князю на глаза.

³ В романе словом варяги названы все народы, жившие на берегах Балтийского (Варяжского) моря, как скандинавы (даны – датчане, нурманы – норвежцы, свеи – шведы), так и западнославянские народы.

⁴ Пестун – воспитатель, учитель.

Новая беда не заставила себя ждать. Засушливое лето, последовавший за этим неурожай, и резко пришедшая зима породили голод. Вожди мещерских племён повздорили меж собой. Пролилась кровь. Свара обернулась настоящей резнёй, и Гостомysl послал воеводу с дружиной навести порядок. Сам князь остался в Новгороде, не решившись оставить город. С севера приходили недобрые вести. Воинственные варяжские дружины, рыскали вдоль побережья, создавая постоянную угрозу.

Заварушку в мещерских землях миром решить не вышло. В свару вмешалась жившая южнее мордва, пришлось замирать жёстко. Многих бунтарей посекали, но и княжье войско понесло потери. Воевода, посланный во главе войска, лично привёз на двор Гостомысла подводу с телами двух средних сыновей: Звенислава и Светлана.

Горе обуяло несчастного отца, он враз осунулся, постарел.

«Если бы Выбор возглавил поход, – корил себя князь. – Он не дал бы братьям так нелепо погибнуть».

Но вестей о старшем сыне так и не поступало.

4

– Проклятие наложено на тебя и весь твой род, – маленький жрец выглядел озабоченным. – Так боги сказали.

– Недругов у меня много. Кто ж постарался?

Князь сидел, свесив голову, вздыхал. Не велел накануне никого к себе пускать, Гостомysl призвал старца, зная, что тот готов пролить свет на мучившие князя вопросы. Богумил не спешил, точно чего-то опасался.

– Не со стороны пришло проклятие. Из своих кто-то постарался, – обронил жрец.

– Кто ж таков, скажи!

– Того боги не открыли. Сам подумай, может догадки какие есть?

Гостомysl лишь пожал плечами:

– Что ещё сказали боги? Долго ли мне ещё править? Устал я, жрец. Скоро ли сына старшего увижу? – князь осёкся. – Единственного. Хочу власть ему передать, устал я.

Гостомysl опустил на ложе. Богумил продолжил:

– Говорю же, проклятие наложено, а стало быть, не быть Выбору князем.

– Что!? – Гостомysl вскочил. – И это боги сказали?

Богумил кивнул. По щеке князя скатилась слеза:

– Вымирает мой род. Похоже, и мой час недалёк, – Гостомysl снова опустился на постель. – Долго ль осталось? Год-два?

– Не спеши, князь. Не всё так плохо, – Богумил выдавил улыбку. – Твоё время не пришло. Жить долго будешь, долго править.

Удивлённый князь подался вперёд:

– Значит, детям своим княженье не передам, сам буду властвовать, а потом... Кто ж место моё унаследует? Чей род править станет?

Маленький жрец снова усмехнулся:

– Говорю же, не всё так плохо. Всех сынов своих переживёшь, но власть твою примет человек, одной с тобой крови.

– Кто ж такой? Скажи!

– Вопросал я богов, поведали они: «Наследие князь получит от женщины своей!».

– Но, я стар и не могу иметь детей, – взмолился князь. – У женщин, что делили со мной ложе, чрево остаётся пустым!

Маленький жрец снова улыбнулся:

– Твои земли, князь, погрязли в усобицах. Вожди племён грызутся меж собой, и готовы за шкурку бобра пролить реки крови, и только ты можешь это пресечь. В тебе ещё есть силы,

есть мощь. Ты должен править, до тех пор, пока на смену тебе не придёт тот – другой. Таков твой удел.

– Но, кто же он? Кто мой наследник?

Жрец развёл руками:

– То мне не ведомо. Жди, князь и, боги пошлют знак. Ты должен лишь его распознать. Проклятие не вечно. Будь терпелив, и мечты исполнятся.

5

Вьюга не утихала всю ночь. Снег валил и валил, заметая дороги пушистым ковром. Даже сторожевые псы, нахальные и задиристые, не высовывали мокрых носов, спали в конурках, свернувшись клубочками. «Когда на улице такое, приятно ощущать тепло очага, слушать треск дровишек, вдыхать горьковатый аромат печного дыма, – рассуждал князь, ворочаясь в постели. – В такие ночи обычно хорошо спится».

Но ему не спалось.

Князь поднялся, подошёл к двери, прислушался. Из сеней раздавался залиvistый храп прислуги.

Вон как сопят. Когда на душе легко, и телу покой. Князь подошёл к окну, взгляделся в ночь. Спина побаливала, в висках стучало. Снег валил так, что на расстоянии десятка шагов не было видно ни зги. «К утру ворота заметёт, не отворишь». За окном промелькнула тень. Он разглядел два силуэта. Кому это дома не сидится? Старик разглядывал незваных гостей. Заблудились никак. А стража где?

– Самошка! – князь окрикнул челядина. – А ну, подь, глянь. Кто в ворота ломится!

Храп за дверью тут же прекратился. Самошка – грузный розовощёкий парень, накинув мохнатый треух, валенки и тулупчик, громко топая, поплёлся во двор. Через несколько минут он, трясущийся от холода, вбежал в сени:

– Бродяжки какие то, к тебе пришли, мужик да малец. Гнать прикажешь? – заспанный прислужник стряхнул с одежды прилипший снег.

– А чего хотят?

– От сынка, говорят, твоего явились. Во брешут, дурни, – Самошка похлопал себя по лбу.

– Что? – Гостомысл оживился. – А ну, тащи их сюда!

Князь погрозил увальню кулаком. Самошка бросился выполнять приказ.

6

– Я ведь и знать не знал, что он княжич. Заявились ночью, да с детёнком малым. Переночевать мол. А мы то, что? Чай не нелюди, не на морозе ж их держать, – сухощавый чудин⁵ комкал пальцами мохнатый треух.

Князь смотрел на ночного гостя с волнением: неопределённого возраста, с куцей бородежкой, на правой руке вместо двух пальцев – короткие культи. Гостомысл перевёл взгляд на второго: мальчик, лет пяти-шести даже не снял шапки.

– На наше огнище⁶ редко кто навевывался, далеко оно от прочих поселений стояло.

Чудин продолжил рассказ, поведав, как гости: Выбор и его женщина с малым сыном поселились в его доме.

– А княжич то был, не дать не взять, работающий. Работы не чурался. Хоть на охоту, хоть в поле. Дров, бывало, наколет и воды принесёт. Ни в жизнь бы не подумал, что из знати.

Гостомысл слушал с волнением.

– А вот женщина не такой оказалась, надменная была. Ни слова доброго от неё, ни помощи не дождёшься. Вот уж она-то точно, будто княжна... – говоривший осёкся – ...была.

⁵ Чудь – собирательное название ряда финно-угорских племён.

⁶ Огнище (подсека) – вырубленное и расчищенное для пашни место посреди леса. Огнищанин – землевладелец, хозяин огнища.

Может статься оттого, что дитё носила. Через полгода пришла пора ей рожать, но – чудин шмыгнул носом – кровью изошла, прибрали бабу боги.

– А ребёнок? – Гостомysl впервые перебил гостя.

– Пожил малость, да тоже преставился, ох отец его и горевал.

Гостомysl побелел, руки задрожали. Сразу вспомнились слова: «разлучница», «смерть ребёнка».

– То, что горевал, понятно, но с ним самим-то, что стало?

Голос князя дрожал. Вьюга за окном не утихала. Огонь в печи ослаб, и Самошка, видя, что хозяин весь затрясся, подкинул дров.

– Схоронили мы женщину с младенчиком, а сын твой князь подле них остался. Больше года смурной ходил, всё молчал.

– Что ж он домой то не шёл, упрямец! – князь хлопнул себя ладонью по колену.

– Всё вот об этом пёкса, – чудин указал на мальчика. – А потом пожаловали к нам люди недобрые – тати⁷ лесные. Дом спалили, добро взяли, да всю семью мою порезали, – рассказчик сглотнул. – Жenu да дочек обеих, брата жениного да трёх работников. И нам бы конец, да сын твой князь не прост оказался. Четверых злодеев топором порубил, остальные сбегли.

– Ну а сам то что? Выжил?

– Где там выжил? Стрела его достала, помер твой сын, прям на моих руках. Вот перед смертью только и открылся: «Сын я – говорит – княжий. Возьми мальчишку и сведи Новгород. Пусть отец обиду забудет, да о приёмыше моём позаботится».

Гостомysl опустил на ложе. Слёзы текли по щекам старика, и он не пытался их скрыть:

– Что же ты сынок домой не вернулся? Это я дурень старый во всём виноват, не остановил тебя тогда, не вернул.

В висках стучало. Жуткая боль щемила грудь. Князь сделал глубокий вдох и посмотрел на мальчика. Тот стоял, шмыгал носом, но держался важно, с достоинством. Вода стекала с потрёпанного тулупчика на половые доски.

«Вот оно откуда, проклятие. Навела беду ведьма Вышеслава. Сгинул ребёнок разлучницы. Сгинул да не тот. Выборов сын умер, и род его вымирает: мой род. Ушли все сыны да дочери, скоро и мой час придёт, а этот, вот он. Живёхонек», – Гостомysl зло посмотрел на стоящего посреди комнаты мальчика. Тот наконец-то снял шапку, и князь смог рассмотреть каждую чёрточку, каждый волосок: «Красив, статен, и придраться не к чему. Малость худощав, но это ничего, откормиться. Глаз не отводит, смел».

Комок подкатил к горлу:

– Пусть мальчик при дворе живёт, что б нужды никакой не знал, всё лучшее имел, – Гостомysl грозно глянул на прислугу. – Просьба моего сына должна быть выполнена.

Выходя из комнаты, Гостомysl рассуждал: «Слишком много бед от него. Неужели он и будет приемником? Приёмыш? Да нет, Богумил сказал, что наследником станет человек одной со мной крови, а этот... Как бы хорош он не был, князем ему не стать».

Маленький Лучезар, надув губы, смотрел на уходящего князя холодными глазами.

7

Пестуном к мальчишке приставили чудина Бела, того самого, который привёл Лучезара в княжеский дом. Выросший в лесах, Бел – умелый охотник, оказался способным наставником. Ловко распознавать следы, достигать любого зверя, выискивать целебные снадобья и травы, умел старый чудин. Несмотря на искаленную руку (ещё в детстве, отморозил, когда с отцом на охоту ходил) Бел умел ловко метать стрелы, удерживая лук тремя пальцами. Белку с верхушек сосен тупой стрелой снимал. Но, юного Лучезара охота на мелкую дичь не особо прельщала. Он мечтал о воинских подвигах, любил слушать сказания и былины о богатырях и их

⁷ Тати – разбойники.

славных подвигах. «Я княжий сын, а значит, обязан стать воином» – рассуждал маленький приёмш. Особенно привлекли мальчика рассказы одного из прислужников князя – Лейва. Того самого, по чьей вине погиб младший сын Гостомысла – Словен.

Бывший воин-варяг часто рассказывал истории о жестоких завоеваниях и походах отважных скандинавских мореходов, знал много сказаний и саг. Лейв рассказывал о морских схватках, кровавых поединках и богатой добыче, которую способен завоевать воин с помощью своего меча. По просьбе маленького княжича и с молчаливого согласия Гостомысла, Лейв начал обучать Лучезара умению владеть мечом. «Хитрым, отважным и беспощадным должен быть настоящий мужчина, стремящийся к власти и славе, а меня заставляют бегать по лесам, ползать на корячках, отыскивая следы, да гонять белок», – рассуждал Лучезар, когда его основной учитель снова вёл его в лес для очередного урока.

Но всё же нашлось учение, к которому Лучезар проявил определённый интерес. Выросший в лесах Бел умел врачевать раны, готовил снадобья и яды.

– Вот зелье, сваренное из рыбьего клея, белены и чёрных кореньев, – Бел показывал ученику особый отвар. – Если в него обмокнуть кончик стрелы и просушить, зверь которого ранит такая стрела, непременно умрёт.

– А человек, тоже умрёт? – проявлял интерес приёмш.

– И человек умрёт, поэтому осторожней будь. Не поранься.

Лучезар кивал, запоминал ученье, да расспрашивал:

– А те яды, что в питье добавляют, умеешь делать?

– Умею, но для чего они тебе?

– Пригодятся, – мальчик дёргал наставника за рукав. – Научи! Интересно! Мало ли какого недруга придётся осилить.

Простодушный чудин, не подозревая подвоха, не скрывал своих умений: «Пусть познаёт науку, кому я ещё меньше теперь своё передам. Померли все дочери, так пусть хоть этот...»

Потом они снова шли в лес, ставили силки, стреляли белок да куниц. Тут мальчик снова терял интерес, правда, тушки добытых зверей свеживал с охотой.

Однажды Бел с воспитанником оказались на берегу реки. Они долго бродили по лесу и остановились отдохнуть. Подуставший мужчина задремал и, проснувшись, не обнаружил ученика. Чудин долго искал мальчика и нашёл его на берегу реки. Перед Лучезаром в судорогах билась подраненная чайка. Мальчик наступил птице на голову, несчастная тварь извивалась, дёргалась, пытаясь вырваться. Поначалу Бел не понял, что происходит, но потом... Лучезар присел, переломил жертве крыло. Кость хрустнула, птица громко закричала. Бел ужаснулся:

– Что же ты творишь-то, негодник!

Мужчина вырвал из рук маленького мучителя полумёртвую птицу.

– Я хотел посмотреть, можно ли с неё снять кожу, как с белки, – Лучезар рассуждал как ни в чём ни бывало.

– Белку мы убиваем, а эта ж живая. Больно ей.

Мужчина смотрел строго, мальчик же выпятил губу и невинно пожал плечами. Поступок юного княжича заставил чудина призадуматься. Очередная выходка приёмша усилила тревогу.

Как-то раз, пытаясь избежать очередного похода в лес, Лучезар убежал, и Бел нашёл его сидящим на корточках под старой берёзой. Мальчик не видел учителя. Небольшим ножиком Лучезар сбивал шерсть с маленького щенка. Привязанное к дереву животное пищало и скулило. Пасть зверька была стянута тонкой бечёвкой. Страшная догадка поразила. Мальчишка, ради забавы, собирался выпотрошить несчастную собачонку. Бел схватил паренька за руку и вырвал нож.

– Пусти! – закричал маленький мучитель. – Не смей меня трогать.

Бел некогда не видел мальчика таким. Глаза его горели, на губах выступила пена.

– Убирайся прочь! – продолжал орать Лучезар.

Бел ударил ребёнка, тот упал.

Лучезар поднялся не сразу. Он тут же умолк, нахмурился и вытер ладонью тонкую красную струйку, стекавшую из расквашенной губы. Он слизнул кровь, словно пробуя её на вкус и лишь после этого посмотрел на Бела:

– Напрасно ты это сделал.

Мужчине стало не по себе. Он разрезал верёвки, которыми был привязан щенок. Тот не двинулся с места и остался сидеть, поскуливая.

– Что же ты творишь-то? Тварь ведь живая, а ты её потрошить собрался. Пошли отсюда.

Щенок заскулил и лизнул стопу Бела. Мальчик встал и стряхнул с одежды налипшую пыль. Он сделал шаг, но, затем, резко подскочил к собачонке и со всей силы ударил щенка ногой. Зверёк с визгом отлетел в кусты. Бел только охнул, глядя, как Лучезар удирает в лес: «Не будет из парня проку. Надо князю рассказать, пусть знает». Лучезар вернулся к вечеру и, не сказав ни слова, завалился в постель. Гостомысл в тот день уехал по делам, и Белу пришлось отложить визит. Но, рассказать князю о поступке мальчика, старый чудин так и не успел.

Гостомысл вернулся через неделю. Новость о том, что пестун приёмыша накануне помер, прислуга сообщила князю одной из первых. Отчего умер чудин, никто не знал, да никто этим особо и не интересовался. «Умер и всё, значит, время пришло», – рассудили люди. Лишь Лейв качал головой, видя довольное лицо Лучезара. Варяг знал, какие снадобья научил варить мальчика умерший наставник.

Глава вторая Заговор

1

Из-под днища раздался скрежет. Зацепив прибрежную гальку, ладья замедлила ход и остановилась.

– Приплыли, – Пlosкиня опёрся на борт, стянул шапку и уставился на стены. Город застыл, погружённый в туманную дымку.

– Дрыхнут лежебоки. Так и неприятеля проглядеть недолго, – фыркнул кто-то.

– Да, нет, не спят, – Пlosкиня натянул шапку и ухватился за широкую доску. – А ну, пособи.

Двое мореходов подскочили к кормчему и помогли спустить трап. Выгрузка началась. Лучезар спустился на берег одним из первых. Утренняя прохлада приятно будоражила тело, но усталость сказывалась, как бы он не хотел этого скрыть. Двое дюжих молодцов с копьями появились на пристани:

– Чей корабль!?

Пlosкиня подошёл, принялся объяснять. Лучезар насупился: «Дурни. Княжью ладью не признали». Городские ратники, поняв ошибку, растерялись, закивали, косясь на княжича. Тот довольный ухмыльнулся и направился в сторону городских ворот. Стражники расступились.

– А с товаром то, что!? – крикнул вдогон Пlosкиня.

– Сам что ли не знаешь? Без меня разгрузите, – обронил княжич, не оборачиваясь.

Кормчий покачал головой, махнул рукой и направился к кораблю.

– Княжича-то, может проводить надобно? – поинтересовался один из ратников.

– Сам дойдёт, не маленький, – буркнул Пlosкиня. Он уже взваливал на плечи здоровенный тюк. – Не любит он, чужих подле себя.

Выгрузка продолжилась. Лучезар тем временем уже скрылся в тумане.

Он шёл, осматривая крепость. Долгое плавание утомило, хотелось поскорей оказаться дома, смыть пот и морскую соль. Укрепления Окольного города со стороны Волхова, возвышались по обеим сторонам пристани: спереди высокие стены детинца, с башнями и бойницами, сзади ров с насыпью, вокруг стен десятки построек. Всё срублено ладно, на века. Недаром мореходы-северяне называют эти земли Гардарики – страной больших городов.

«Там, куда я плавал, нет подобных городов и укреплений, – Лучезар усмехнулся. – Зато есть воины, способные брать такие стены штурмом». Теперь он знал о них не понаслышке. Побывав в холодных землях, населённых данами, Лучезар познал суровых варягов воочию. Тут же вспомнились рассказы и о других варягах. Тех, что живут на южных берегах Варяжского моря и говорят на одном наречии со словенами и кривичами. «Эти, я слышал, тоже строить мастера, да и воины, нечета тутошним, – княжич разглядел заспанную стражу, – Увальни, ленивые, хорошо хоть не спят».

Лучезар подошёл к воротам. Его признали, ближний дружинник шагнул вперёд, поклонился, но княжич прошёл мимо.

– Важный, – произнёс стражник вполголоса. – Сам приёмьш Гостомыслов, а ведёт себя точно император ромейский⁸.

– Нам-то, что. Прошёл, и ладно. Нет человека, нет забот, – пожал плечами второй ратник, зевнул и уселся на приставленное к воротине поленце.

Лучезар тем временем уже скрылся за домами.

2

Он велел истопить баню, мылся долго, растирая тело до красноты. Лёгкий смоляной аромат и печная гарь пощипывали горло. Выскочив из парной, он опрокинул на голову жбан холодной воды и уселся на перевёрнутую кадку. Пар разогрел мышцы, но, не расслабил тело. Он вытянул руку и просмотрел на неё. Пальцы слегка подрагивали. Лучезар усмехнулся: «Я проделал такой путь, а вернувшись, беспокоюсь из-за дурных новостей». Мужчина отхлебнул из ковша, который подал услужливый челядин и велел прислуге убраться. Он ждал Лейва.

Старый варяг вошёл в предбанник и протянул полотенце:

– Не могу к вашим баням привыкнуть: пар да копоть. Сидишь, словно рак в кипятке. Что за радость?

– А ты не сиди, – обернув тело мохнатой тканью, княжич достал гребень и принялся расчёсывать волосы.

«Мужик, а прихорашивается, точно девка», – зачерпнув в пригоршню воды, Лейв омыл лицо и добавил вслух:

– Так я и не сижу, да только меня и тут в жар кидает. Пойду я, что ли? Вон дел-то сколько.

Княжич стиснул зубы. Все, кто жил при его доме: прислуга и челядь, редко осмеливались перечить молодому хозяину. Лейв отличался от прочих. Наставник Лучезара, погубивший когда-то юного Словена, пользовался у приёмьша рядом привилегий. Бывший дружинник осунулся, постарел. Теперь он мало походил на того бывалого воина, который поучал когда-то сыновей Гостомысла. Поверх рубахи жилетка из овечьей шкуры, волосы стянуты ремешком, борода лопатой – пожилой варяг более походил на городского ремесленника: горшечника или скорняка.

– Останься! – сухо произнёс Лучезар и указал Лейву на лавку у входа. – А, если жарко, дверь отвори.

Варяг скинул накидку и уселся в углу.

– Ну, говори. Что тут, да как? Не передумал князь насчёт варяжских княжичей?

– Да, нет, не передумал. Ты бы к нему наведался. Дары преподнес, как полагается, а не нежился в банях.

– Вот, ещё! – фыркнул Лучезар. – Подождёт.

– Ну, как знаешь, – Лейв пожал плечами. – Плоскиня подводы с товаром во двор пригнал. Куда оружия-то столько? Или ты оружейную лавку открыть решил?

– А, если и так, то что?

⁸ Ромеи – самоназвание жителей Византийской империи.

– Ну-ну. А людишки эти, что в последнее время до тебя являлись: иноземцы? Кто такие? Ты их в лавку свою посадишь, торговать?

Лучезар насупил брови:

– Ты иноземцев тех разместил, как велено?

– Да, разместил, разместил, – Лейв вздохнул. – Удумал ты что-то и не говоришь. Так?

Лучезар усмехнулся:

– Времена нынче беспокойные. Оружие да люди верные всегда пригодятся. Вот преставится старый князь, что тогда?

Лейв нахмурился:

– Верно я, значит, подумал, что решил ты, княжич, дружиной собственной обзавестись. Иноземной. А может оно и правильно, слышал я, что Вадим, в Новгород возвращается.

– Вадим? – Лучезар сдвинул брови. – Дальний родич князя?

– Он самый.

Лучезар задумался. Через открытую дверь в баню проникал прохладный воздух, тело княжича покрылось мурашками. О Вадиме – воеводе болгарского царя, ходило множество слухов: знатного рода (родичи Вадима в своё время в этих землях княжили, ещё до того, как предок Гостомысла власть к рукам прибрал), умелый воин и вождь. «Многие на его сторону встанут, когда княжье место опустеет. Наверняка и дружина у Вадима немалая, – рассуждал Лучезар, покусывая ус. – А может, оно и к лучшему. Вот приплывут призванные Гостомыслом варяги... Чем больше народу на гору лезет, тем больше с неё и сваливается». Когда псы грызутся из-за куска мяса, разрывая друг другу глотки, волк выжидает.

– Ну, что ж. Вадим, так Вадим. Мы подождём, – Лучезар улыбался.

Лейв смотрел на воспитанника с недобрым предчувствием.

3

– Почему не пришёл вчера? – в голосе старика прозвучали стальные нотки. – Твой корабль...

– Мне нездоровилось. Да и разве я мог предстать перед князем в драной одежде, покрытой коркой соли.

Гостомысл сжал кулаки: мало кто решался перебить его на полуслове. Князь сидел в высоком кресле, и хмуро глядел на стоявшего напротив приёмыша. Одетый в дорогой кафтан и сафьяновые сапоги Лучезар раздражал старика одним своим видом. Старик не носил дорогих нарядов, он невольно опустил взгляд на свою простую рубаху: «Только глупцы судят о человеке по внешнему виду. Уважения можно добиться лишь славными делами, – рассуждал Гостомысл. – Дерзкий мальчишка совсем отбил от рук. Ну, да ладно. Кто широко шагает...». Князь поднялся, подошёл к окну и распахнул ставни. Свежий воздух наполнил грудь, сердце забило ровней, гнев отступил. Лучезар глядел исподлобья, оценивая каждое движение собеседника.

– Твои оправдания нелепы, – наконец произнёс старик. – Но, довольно. Расскажи, что ты узнал?

Лучезар распрямился. Он кратко рассказал о трудностях пути и стал подробно описывать все торговые сделки. Чем дольше Гостомысл слушал приёмыша, тем он больше хмурился.

– Моё плавание можно назвать удачным, – заявил княжич. – Хотя многие наши товары и упали в цене: за бочку мёда на датских рынках дают лишь горсть соли, франкские купцы вовсе перестали брать овчины и шкуры, а за хороший меч требуют, чуть ли не целый воз соболей.

– Если оружие так дорого, значит, на западе война назревает? – встрепнулся князь.

– В землях балтов спокойно. Князя прекратили усобицы, поэтому многие воины остались не у дел.

Гостомысл принялся тереть висок. Ему уже доносили, что в Новгородские земли хлынули чужаки, которые не горят желанием сеять или пахать. Они нанимаются на службу, или

просто сколачивают шайки и грабят на дорогах торговые караваны. «Надо бы послать ратников, прочесать леса и...», – голос приёмыша прервал размышления:

– ...сукно и шелка охотно меняют на меха, неплохо расходуется воск, а за моржовые зубы, те, что возят повольники с севера, франкские торговцы готовы платить даже золотом.

Князь снова уселся:

– То, что ты умело ведёшь торговые дела, это, хорошо, но для меня важно знать, ждешь ли нам очередного прихода варяжских кораблей.

Лучезар вздрогнул и невольно отпрянул.

– Северяне рвутся на запад, к франкам, – ответил он небрежно.

Струйка пота стекла по виску. «Старик что-то заподозрил? Может кто-то донёс?». Лучезар исподлобья глядел на князя. Тот отрешённо рассматривал дымящую в лампадке лучину. Княжич облегчённо вздохнул, но следующая фраза заставила сердце приёмыша биться чаще.

– Ты ничего не слышал о варяге по прозвищу Кривой Рог?

Княжич застыл, по спине побежали мурашки. Лучезар сделал глубокий вдох, выдохнул. Ему ли не знать Ингельда Ольсена – датского ярла⁹ носящего это прозвище. Своенравный воитель не признал власть собственного короля, нашёл единомышленников, подчинил соседей и провозгласил себя конунгом. Зная, что без решительных действий власть ему не удержать, Ингельд решил предпринять поход на восток. И именно Лучезар обещал ему помощь в этом деле.

«Кто же мог донести? – мысли путались. – Плоския? Кто-то из челяди? Нет. Он один ходил навстречу с Ольсеном». Гостомысл по прежнему смотрел на тухнущий огонёк. «Старик ничего не знает о договоре с конунгом». Лучезар потёр висок, сморщился и добавил небрежно:

– Кривой Рог? Кто это? Какой-нибудь норманский ярл?

Лучезар знал, что рискует. Он – один из немногих знал, что датский флот под командой конунга Ингельда уже вошёл в воды Ладоги и плывёт в сторону Новгорода.

– Он дан. Недавно в городе поймали лазутчика, который задавал странные вопросы, – со стороны могло показаться, что князь разговаривает с самим собой. – Возможно, нам снова предстоит взяться за мечи.

Лучезар вздохнул с облегчением: «Он ничего не знает».

– Один лазутчик – это ещё не набег.

– Согласен, но и расслабляться нельзя. Я стар, а чтобы защитить город, нужна сильная рука.

Княжич встрепенулся:

– Я бы мог взять оборону города на себя. Если ты отдашь мне дружину...

– Тебе? – князь словно очнулся ото сна.

Лучезар побледнел: «Он по-прежнему не видит во мне лишь прилюдного мальчишку».

– Выбор назвал меня сыном, я член твоего рода, и меня воспитали как воина. Я могу возглавить войско.

– Замолчи! Знай своё место и не никогда, слышишь меня, никогда не заводи больше этот разговор! Чтобы прогнать варягов, нужен муж княжьего рода. Тот кого признает вече, поддержат вожди и дружина. Это тебе не крылья птицам ломать.

Лучезар заскрежетал зубами:

– Ты говоришь о Вадиме?

– Вадим? Этот прислужник болгарского царя? – Гостомысл рассмеялся и хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. – Это место займёт человек, в жилах которого течёт моя кровь. Так решили боги. Уходи, мне нужно побыть одному.

Лучезар до боли стиснул кулаки и вышел из комнаты.

⁹ Ярл – племенной вождь у народов древней Скандинавии.

4

Он влетел в ворота, едва не столкнувшись с замечтавшейся девкой-челядинкой, несущей вёдра с водой. Пышногрудая «красотка» – рябая служанка с пухлыми щеками и вздёрнутым носом, отскочила и, оступившись, шлёпнулась на землю. Коромысло отлетело, вёдра загремели, вода разлилась, образовав огромную лужу. Увидевшие это мальчишки, сидевшие на заборе, рассмеялись, но, княжичу было не до смеха:

– Куда прёшь, дурёха?!

Девка, которая хорошо знала нрав хозяина, ойкнула, вскочила и, на ходу отряхивая мокрую юбку, кланяясь, попятилась назад. Готовый снова заорать Лучезар, сдержался: «Потом решу, как её наказать». Челядинка исчезла за углом, рассерженный мужчина прикрикнул на мальчишек. Тех словно ветром сдуло. Княжич вошел в дом, Лейв встретил хозяина в сенях:

– Вижу, твой визит не был удачным.

Лучезар втянул ноздрями воздух, собираясь разразиться целым потоком ругательств, но, видя, что слуга прижал палец ко рту, стиснул зубы.

– Тебя ожидают в гостиной, – громко произнёс варяг и указал большим пальцем за спину.

– Кто ещё?

– Посланник.

Княжич скривился, прикусив губу: «Как же я мог забыть».

– Иди к нему, я сейчас.

Когда Лучезар вошёл, ожидавший – светловолосый мужчина с тонкими усами, поднялся и шагнул навстречу, но княжич прошёл мимо, швырнул на постель шапку и уселся на стоящий посреди комнаты стул. Лейв встал у княжича за спиной. Незнакомец отступил, его глаза забегали. Он смотрел то на хозяина комнаты, то на престарелого слугу, теребя пальцами свой потрёпанный кушак. «Он не похож на варяга, – Лучезар вспомнил головорезов Ингельда и улыбнулся. – А может оно и к лучшему». Он вспомнил слова князя о пойманном лазутчике. «Конунг больше не посылает своих, а этот... Нет, он не из местных».

– Здравствуй, княжич, – незнакомец склонился в поклоне. – Наш общий друг шлёт тебе поклон.

Лучезар небрежно кивнул: «Вот дурень, кем он себя возомнил? Важным лицом? Послом? Он из балтов. Может курш?».

– Ты от конунга? Но, ты не похож на варяга.

– Я мазур¹⁰.

«Ингельд стал осторожен в выборе шпионов. Правда, этот..., если его поймают...».

Лучезар нахмурился:

– Что велел передать конунг?

– Он будет ждать тебя в условленном месте. Я покажу где это.

– С тобой поедет он, – Лучезар указал на Лейва.

– Но мне приказано привести тебя.

Княжич хмыкнул, незнакомец продолжал нервно теребить пояс.

– Ингельд допустил ошибку. Да, да. Можешь так ему и передать. Зачем он посылал в Новгород своих людей? Или конунг мне не доверяет? – Лучезар пожал плечами. – Люди Гостомысла поймали шпиона. Этот человек рассказал князю, кто его послал. Должно быть его пытали.

Гость задрожал. Лучезар сдержал улыбку: «Он не воин: торгаш или ремесленник. Лучше бы Ингельд прислал кого-то из своих».

¹⁰ Балты – народы, населявшие в прошлом территории современных балтийских государств. Курши и мазуры – представители балтских народов.

– Если я покину город, Гостомysl может что-нибудь заподозрить. Моего слугу зовут Лейв, он дан. Он передаст карту, а в условленный час мы подадим сигнал. Я выполняю свои обещания.

Посланник покрылся потом. Лучезар продолжил:

– Не бойся, Ингельд примет мои условия.

Балт облегчённо вздохнул. Немногие бы решились послушаться Ингельда Кривого Рога. Лучезар усмехнулся, вспоминая последнюю беседу с конунгом. Мятежный ярл заплатил княжичу серебром и пообещал кое-что ещё. В случае победы и падения Новгорода, Лучезару было обещано место правителя, но можно ли верить варягу? «Этот гонец сделает своё дело. Конунг будет разочарован, но у нет выбора. Варяги нападут. Правда Ингельд, возможно, не захочет выполнить вторую часть обещания, но... – княжич усмехнулся. – Я должен стать героем, а не предателем. Деньги конунга, а не его мечи дадут мне желанную власть».

Видя, что хозяин закончил, Лейв подошёл к гостю, слегка подтолкнул его в спину, и они оба покинули замечтавшегося княжича.

5

Солнце опустилось, но отблески заката всё еще освещали горизонт. Город утопал в ночном полумраке, замирал. Деревья, росшие под окном, бросали тени. Ветер колыхал ветки, тени шевелились. Издалека слышались голоса запоздалых гуляк, собачий лай и другие звуки затихающего города. Лучезар глядел в открытое окно и нервно постукивал пальцами по наличнику, Лейв вошёл в комнату, неся в руке коптящий светильник

– Я собирался послать за тобой, но ты явился сам, – Лучезар усмехнулся.

– За столько лет я научился предугадывать твои желания.

– Ещё скажи, что ты и мысли мои читаешь.

– Если я и угадываю твои мысли, то никогда не решусь их озвучить.

Глаза княжича сверкнули. Он подался вперёд, но тут же откинулся на спинку стула и рассмеялся:

– Я рад, что ты это понимаешь.

– Я уже долго живу на свете и знаю, что можно делать, а что нельзя.

– Значит, ты боишься меня? – эти слова Лучезар произнёс сквозь зубы.

Лейв вздохнул:

– Я уже давно перестал бояться. Ты же знаешь обо мне всё. Знаешь и то, что я здесь чужак и кроме тебя у меня тут никого нет.

– Но, и я тебе не родич.

– Не родич. Ты и я, мы чужаки. Ты приёмьш, я пришлый воин, прогневивший князя. Нас не гонят, но если нас не станет, никто не станет горевать. Нам стоит держаться вместе.

Лучезар задумался: «Да, мы чужие, только я могу стать своим, а он нет».

– А если конунг мне не поверит?

– Поверит, у него нет выбора.

– Значит, вот что ты задумал.

Лейв отвернулся и принялся тереть бороду.

– Опять хочешь прочесть мои мысли, – Лучезар рассмеялся.

– Не преувеличивай, княжич. Я всегда чувствую, когда ты что-то задумал, но читать мысли не умею.

– Может, именно поэтому ты ещё жив.

Смех оборвался, Лейв вздрогнул и, как-то жалостливо, посмотрел на хозяина. Лучезар понял, что перегнул палку:

– Прости и забудь. Так вот, посланник отведёт тебя к Ингельду, а ты убедишь конунга, что мы, по-прежнему, на его стороне. Расскажи ему обо всём, о чём он спросит.

- Но, конунг ждёт тебя.
- Я не собираюсь плясать под чью-то дудку.
- Конунг разгневается.
- Пускай, ты передашь ему карты и назовёшь время, когда мы подадим сигнал. Ты сам варяг, ты знаешь их корабли, вот и расскажи, куда им лучше подойти.
- Конунгу будет мало проку от моих советов. А ещё, я думаю, он не отпустит меня назад.
- Боишься?
- Только глупец лезет в логово зверя без опаски. Если бы ты раскрыл мне свои замыслы.
- Ингельд обещал отдать Новгород мне. Естественно после того, как он будет разграблен.

Но в мои планы не входит падение города.

- Тогда для чего ты заключил этот союз. Ты так рискуешь и при этом не веришь в успех.
- Ингельд понимает, что Новгород – крепкий орешек, поэтому и принял мою помощь.
- Не понимаю.
- Гостомысл скоро умрёт. Он болен и долго не протянет. Эта битва покажет, что от такого князя мало проку, а тот, кто спасёт город, завоюет почёт. Люди любят героев.
- Ты призвал варягов, чтобы сыскать славу воина? Но ты же..., – Лейв осёкся. – Так значит эти люди...
- Балты. Все они воины и все готовы служить. Мне!
- Но, почему?
- Деньги! Ингельд заплатил за помощь и пообещал мне княженье, но я не верю ему, – Лучезар улыбался. – На деньги конунга я нанял дружину, которая решит исход битвы.
- Ты взял у конунга деньги и собираешься украсть у него победу.
- Скажи конунгу, что я буду ждать ответа, тогда он не станет тебя удерживать.

Лейв понял, что визит окончен. Он подошёл к столу, поставил светильник и направился к выходу. Дурные предчувствия терзали старого варяга: «Княжич хитёр, и, возможно, у него всё получится. Но, что будет со мной? Когда даны поймут, что их предали...». Прошлое нахлынуло резко и отчётливо. Старый воин вспомнил слова, сказанные когда-то его бывшим хёвдингом¹¹: «Если твой корабль дал течь, и идёт ко дну, не спеши умирать. Ведь можно перебить врагов и захватить их судно». Лейв тяжело вздохнул: «Может, пришло время уйти с тонущего корабля?» Закрывая за собой дверь, Лейв посмотрел на хозяина и встретил уверенный взгляд. «Вот уж кто и впрямь читает чужие мысли». Нет, он – Лейв не подведёт своего воспитанника, даже если тот посылает его на смерть. Злобный и хитрый мальчишка стал расчётливым и безжалостным мужчиной. Именно такие и добиваются всего, становятся победителями. К тому же, Лучезар был единственным, кого по-настоящему любил старый варяг.

Но, вот отвечал ли приёмыш тем же?

Сын небогатого бонда¹², Лейв вырос на берегу продуваемого морскими ветрами фиорда¹³. Единственный ребёнок в семье, он рано потерял близких. Отец и мать – бедные землевладельцы умерли от неизвестной болезни, которую принесли чужаки-паломниками приплывшие из какой-то далёкой страны. Та эпидемия унесла многих. Лейв тоже заразился, но сумел выжить. Клочок земли, полуразвалившийся домик, старая кляча и тощая свинья составили наследство шестнадцатилетнего подростка. Молодой бонд трудился не покладая рук. Урожая, который удавалось собрать, хватало. За пару лет Лейв отремонтировал дом, прикупил пару свиней и даже присмотрел себе невесту. Родичи девушки тоже умерли во время мора, но наследство не составило и того, что получил Лейв. Девушка жила одна и перебива-

¹¹ Хёвдинг – командир отряда у викингов.

¹² Бонд – земледелец у скандинавов.

¹³ Фиорд – узкий, глубоко врезавшийся в сушу морской залив со скалистыми берегами.

лась с хлеба на воду. Сыграли свадьбу, пригласив лишь нескольких. Особым гостем стал Стейн Аудсен – богатый бонд, владевший несколькими земельными участками.

Сигрид, так звали невесту, чувствовала себя счастливой, радовался и Лейв. Немного подпортили праздник колкие шутки богатого соседа, которые Стейн, изрядно поднабравшись, отпускал по поводу бедности жениха, при этом нахваливая красоту невесты. Сигрид смушалась, и, не досидев до конца, покинула гостей. Лейв тогда сумел сдержаться и подавил обиду. Через год Сигрид родила сына. Молодая пара чувствовала себя счастливой. Но это счастье оказалось не долгим. Всё началось с болезни ребёнка.

Поначалу Лейв и Сигрид решили, что снова начался мор, но так как никто больше не заболел, немного успокоились. Малыш бился в лихорадке несколько дней, никакие отвары и снадобья не помогали. Приглашённый жрец, провёл обряд, напоил ребёнка своим, особым

зельем и потребовал принести жертву Фриг¹⁴. Лейв прирезал свинью, вторая ушла в качестве уплаты врачевателю. Оценило ли божество дар, или нет, но вскоре ребёнок действительно поправился. Радость омрачила смерть старой клячи, доставшейся Лейву от отца. Пока супруги сидели у ложа больного малыша, Лейв вовсе забросил заботу о хозяйстве. Умерло ли животное от этого? Скорее нет, просто пришло его время. Лейв давно это предвидел, потому и копил средства на новую лошадь. Но денег не хватало, а остаться без тягла накануне посевной... Если бы он не простился с обеими свиньями, можно было бы продать их. Лейв пошёл к Стейну Аудсену просить займы.

– Почему я должен тебе помогать? – презрительно произнёс сосед, когда Лейв заявился в его дом. – Вон сколько таких как ты. Если каждому одалживать.

– Я собираюсь купить лошадь, а когда соберу урожай, верну вдвое больше, – заверил Лейв.

– А если твоё зерно побьёт град, или зима придёт раньше обычного?

– Тогда я продам лошадь.

– Ха! А если твоя новая лошадь тоже сдохнет?

Лейв начинал терять терпение. Он уже пожалел, что явился к этому сквалыге. Стейн же продолжал ухмыляться:

– Мне нужны женщины для работы в поле. Я недавно продал двух старых тир¹⁵, которые уже не могли работать в поле и еле волочили ноги. Надеюсь, твоя жена не ленива. Я хорошо плачу своим работникам.

– Но, у нас маленький ребёнок.

– Ну, как знаешь. Если твоя Сигрид пообещает отработать весь сезон на моих полях. Под это я мог бы ссудить тебе деньги.

Лейв задумался. Если он не купит лошадь, то пропустит посевную. На следующий день Сигрид отправилась во владения Стейна Аудсена, а Лейв с ребёнком на руках собрался на торг, покупать лошадь.

Он уже собирался выходить, когда услышал шум: незнакомые голоса, грохот и бряцание железа. Лейв, быстро, положил младенца, схватил топор и выскочил во двор. Двое незнакомцев открыли двери сарая и бесцеремонно вошли внутрь. Ещё четверо стояли поодаль и переговаривались. Увешанные оружием, с круглыми деревянными щитами, чужаки не оставили сомнений в том, каков род их занятий.

Лейв застыл в недоумении. Один из четверки – рыжебородый крепыш с толстыми губами поманил Лейва рукой. Из сарая раздался визг. Лейв, позабыв обо всём, рванул туда. Рыжебородый дал знак одному из своих людей. Моложавый викинг с длинными, заплетёнными в тугие косы, волосами, ловко подскочил к бедолаге и ударом щита повалил Лейва на землю. Рыжебородый подошёл к упавшему юноше, выпавший из его рук топор и присел.

– Я ярл Орм Красный, сын Гуннара. Мы в походе, и я заявляю о своём праве страндхуга¹⁶.

Лейву ещё не приходилось встречаться с викингками. Место, где он жил, располагалась вдалеке от морских путей, но, про этот закон он слышал.

– Ты не должен сопротивляться. Таков закон, и воспользуюсь своим правом, – продолжил ярл.

Лейв смотрел на непрошеного гостя с ненавистью. В этот момент двое забравшихся в сарай викингов вытащили во двор последнюю скотину Лейва и бросили к ногам своего

¹⁴ Фриг – в германо-скандинавской мифологии богиня покровительница домашнего очага и деторождения.

¹⁵ Тир – женщина-рабыня у скандинавов.

¹⁶ Страндхуг – неписанный закон, существовавший в землях Древней Скандинавии, согласно которому плывущие в поход ярлы могли приходить в поселения бондов и резать их скот для пропитания собственных воинов, не давая за это платы.

вожака. Тощая свинья, со связанными ногами, дергалась в пыли и громко визжала. Из домика прозвучал детский плач. Лейв дёрнулся, но рыжебородый быстрым движением извлёк меч и приставил к горлу молодого папаша. Лейв отшатнулся и прижался к земле.

– Кто ещё в доме? – голос рыжебородого викинга звучал сухо и жёстко.

– Там только мой сын.

– А его мать?

– Работает в поле у соседа.

– А ты, что же, заделался нянькой?

Стоявшие в стороне мужчины посмеивались, но Лейву было не до смеха.

– Стейну Аудсену нужны лишь работницы-женщины, поэтому мне и приходится сидеть с мальчиком.

Лейв решал не рассказывать о покупке лошади. Приготовленные для этого деньги лежали в доме на столе.

– Мы не можем забрать его свинью.

Лейв обернулся и посмотрел на говорившего. Один из воинов, посетивших сарай и притащивших свинью – пожилой лысый мужчина, пожал плечами.

– Это ещё почему? – фыркнул ярл. – У нас мало времени, и я не собираюсь искать кого-то ещё.

– Похоже, это единственная скотина, которая обитает на этой ферме.

– Если не считать её хозяина, – вмешался в разговор молодой викинг, опрокинувший Лейва на землю.

Его приятели захохотали, но рыжебородый даже не улыбнулся.

– По закону, ярл Орм, мы можем забрать лишь одну из двух, – пояснил лысый.

– Ты будешь учить меня законам, – огрызнулся рыжебородый. – Может там, за домом на лужке пасётся целое стадо?

– Это и вправду единственная моя живность, – взмолился Лейв.

– Тогда нам придётся навестить твоего соседа. Как говоришь, его зовут?

– Стейн Аудсен, но у него хорошая охрана.

Рыжебородый расхохотался.

– Я же сказал, что у меня есть права, и никто не помешает мне ими воспользоваться, – рыжебородый подавил смех. – К тому же, не думаешь ли ты, что я привёл сюда всех своих воинов?

Лейв не стал возражать. Мысль о том, что жадному Стейну придётся раскошелиться даже порадовала. Когда незваные гости покидали хозяйство бедняка, ярл напоследок заявил:

– Как можно так жить? Ты мог бы давно поменять соху на топор и копьё. В прошлом походе я потерял двоих, а судну нужны гребцы. Ты, я вижу, парень не робкий, раз один кинулся на шестерых. Мы вытащили судно на берег, и оно стоит вон за той сопкой, – вожак викингов указал на отдалённый холм. – У нас течь, а на починку уйдёт не меньше недели.

– А ты дашь мне плату вперёд? – выпалил Лейв.

– Мои люди служат за долю в добыче, но для тебя я, может быть, сделаю исключение. Я не хочу, чтобы твои близкие померли, пока мы с тобой будем воевать.

– Я подумаю.

– Думай, а мы пойдём трясти твоих более жирных соседей.

Викинги покинул двор Лейва, а вечером вернулась зарёванная Сигрид. Когда Лейв узнал, что богатый сосед рассчитывал получить с молодой женщины плату за одолженные деньги не только полевыми работами, Лейв рассвирепел. Он поклялся отомстить, но решил отложить это на потом. На следующий день он вернул соседу деньги и отправился разыскивать стоявший за сопкой корабль.

Так Лейв стал викингом.

Первый же поход с рыжебородым Ормом принёс целое состояние. Сначала они напали на финскую деревушку, взяли меха, олени шкуры и пленников. Потом рыжебородый прошёлся по побережью, желая пограбить другие поселения оленеводов. Но, предупреждённые сородичами финны, попрятались в лесах. Орму и его викингам пришлось плыть назад. На обратном пути им повезло, они встретили торговое судно. Победа далась нелегко. Новгородские купцы дорого продали собственные жизни. Рыжебородый потерял ещё троих, но победа того стоила. Может для прочих добыча казалась привычной, но бывшему бедняку, привыкшему выжимать последние соки из неплодородной земли, полученная доля показалась целым состоянием.

Лейв обучался морскому делу, осваивал навыки владения оружием. В первом же бою он пролил человеческую кровь. Красный Орм не жалел о том, что взял молодого бонда в свою дружину.

После стычки с новгородцами ярл Орм поплыл назад. Лейв покинул ярла, но пообещал по весне отправиться в очередной поход. Вместо оставленной семьи, он обнаружил пустые стены. Куда делись жена и ребёнок, Лейв так и не узнал. Подпоив одного из трелей¹⁷ Стейна Аудсена и разговорив его, молодой воин узнал, что после его отъезда сосед навевывался к Сигрид. После этого женщина и ребёнок исчезли.

– Там было полно кровавых следов, – сообщил трель.

Лейв отправился к Стейну за объяснениями, но тот лишь пожал плечами. А когда молодой викинг обвинил соседа в убийстве, тот рассвирепел и велел выставить непрошенного гостя. Лейв не знал где искать правды. Он выждал момент и напал на ненавистного соседа, когда тот ехал по дороге в сопровождении двух попутчиков. Но и здесь Лейву не повезло. Охрана Стейна – парочка верзил их бывших викингов, сумела доказать, что не зря ест свой хлеб. Лейву удалось ранить одного из противников, но сам обидчик не пострадал. Лейв получил ранение, и ему пришлось отступить.

Нападение на знатного бонда поставило Лейва вне закона. Он долго прятался в лесах, потом шел берегом, плыл на лодке, пока не добрался до места зимовки ярла Орма. Тот укрыл беглеца, и с тех пор Лейв больше не покидал хирд¹⁸ своего вождя. Потом были новые походы, в ходе одного из них Лейв и угодил в плен к кривичам. В итоге он оказался сначала в дружине новгородского князя, а потом, в услужении его приёмьша, который и заменил Лейву пропавшего сына.

¹⁷ Трель – раб.

¹⁸ Хирд – дружина.

Глава третья Ученик кузнеца

1

На влажном мху, зелёном с бурыми крапинами, отпечатались ровные отметины. Твёрдое как камень копыто не могло не оставить следов на болотной тропе. След то прерывался, когда животные шли по воде, то появлялся вновь. Азарт, кипучий охотничий задор и какая-то дикая, первобытная злость манили Даньшу вперёд. Будь расстояние меж следами побольше, это означало бы, что могучий лось-великан мчится сквозь заросли и тут его не догнать. Но на этот раз, звери: лосиха с парочкой молоденьких телков, никуда не спешили. Они степенно шагали, обгрызали листву с пышных кустов, набивая желудки горько-сладкой зеленой массой. В отличие от животных, Даньша торопился. «Лишь бы не забрели в топи, там их не достать».

Громкий хруст и шелест кустов заставили юношу затаиться: «Вот они – родимые». Вся троица показалась во всей красе. Лосиха, большая, слегка исхудавшая, щипала листочки, поглядывая по сторонам. Телята – первогодки грызли ветки, не тревожась ни о чём и создавая при этом много шума. Выбрав стрелу, юноша вскинул лук и натянул тетиву.

Дыхание ровное, рука не дрожит, пальцы расслабляются...

Даньша затаил дыхание, застыл и... Медленно опустил оружие. Один из лосят рванулся, но, тут же, поджав коленца, завалился на бок. В его боку торчала стрела. Чужая. Даньша поразился, что не раскрыл себя. Он присел, пробежал на носочках пару шагов и прильнул к огромной коряге.

Голоса слышались с трёх сторон. Лосиха рванула в кусты, но две стрелы впились одновременно в её шею и в бок. Из кустов выскочил человек и метнул копье. Он метил под лопатку, и орудие убийства достигло цели. Лосиха билась в агонии. Другой человек появился, будто ниоткуда. Он подбежал к издыхающей самке и полоснул по горлу ножом. Оставшийся детёныш в это время скрылся в лесу.

«Умелые охотники», – Даньша вытер пот и посмотрел на свою руку. Пальцы слегка дрожали. Третий незнакомец вышел на поляну. Он указал в сторону и что-то прокричал на непонятном языке, напоминавшем воронье карканье. Очевидно, он что-то говорил про убежавшего лосёнка. Другой, который прикончил самку, что-то ответил и махнул рукой. Все трое рассмеялись. Даньша не понял ни слова: «Северяне, не иначе». Он несколько раз был в большом городе, и ему приходилось встречать торговых гостей из-за Варяжского моря. Одни говорили на понятном, хоть и корявом языке, другие, такие как эти, общались именно так.

Только сейчас юноша рассмотрел мужчин, так бесцеремонно прервавших его промысел. В этой глуши чужаки ощущали себя полными хозяевами, Данышу удивило, что у двоих, несмотря на жару, на головах войлочные колпаки. Юноша затаил дыхание. Один из незнакомцев двинулся в его сторону. Нашупав рукоять спрятанного за голенищем ножа, Даныша приготовился к худшему, но чужак прошёл мимо. Он выбрал молодую берёзку и свалил её маленьким топориком, двое других уже свеживали туши.

Осторожно, что бы ни наделать шума, Даныша пополз назад. Он прижимался к земле, но и старался не терять чужаков из виду. Острая трава царапала руки, рубаха намочила, на щеке сидело несколько комаров. Ещё дюжина кровососов, пища и гудя, кружила над головой. Даныша прижал одно из насекомых ладошкой (хлопок бы его выдал). Красное пятнышко размазалось по щеке. Стук топора и говор незнакомцев по-прежнему доносились из-за кустов. «Когда закончат, я буду далеко. Потом поволокут добычу...». Удалившись на безопасное расстояние, Даныша поднялся и побежал со всех ног.

2

Он выбежал из леса и остановился перевести дух. Речушка, на берегу которой располагалось поселение, извиваясь змейкой, преграждала путь. Шаткий мосток, соединял кустистый берег с одной стороны и выходил к небольшому песчанику, на котором несколько женщин стирали бельё. Вдалеке виднелись знакомые постройки: избышки, с пожухлыми соломенными крышами и, словно съжившиеся от времени сарайчики, окруженные покосившимся тыном. Жизнь в деревне шла своим чередом, не останавливаясь ни на мгновение. Поселковые жители были заняты, каждый своим делом, не ожидая, что очень скоро вся эта идиллия будет нарушена одним только словом – Варяги.

Даныша, громко топая, пронёсся по мосту, перепугав полоскавших бельё баб. Несколько ребятшек, игравших поодаль в песке, услышав недовольные крики возмущённых мамаш, поддержали их залившимся плачем. Но Даныша даже не посмотрел в их сторону. Он подскочил к воде, зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Бабы умолкли, две из них подошли и перегородили путь, поняв, что что-то стряслось.

– Сдеслав где? К нему мне. Людей в лесу встретил, с оружием, – Даныша с трудом переводил дыхание.

Тут уже подошли почти все, баб набралось не меньше десятка.

– Что за люди? Чужие что ль? Может с города кто заявился? – судачили они наперебой.

– Какое там с города. Не по-нашему лопочут и одежда странная. Варяги это.

Бабы ещё громче заголосили, а Даныша махнул рукой, собираясь уйти.

– Да погоди, торопыга. Куда летишь-то? – окрикнула парня пышнотелая баба, с мальчонкой на руках, Даныша признал жену поселкового старосты. – Мужики-то, кто пашет, а кто на промысле. Акромья стариков в деревне нет никого. Сдеслав ещё поутру в поле ушёл, туда и беги. А вы чего галдите? – прикрикнула женщина на орущих баб. – Собирайте тряпьё, да по домам. Мужики вернутся, решат что делать. Может в леса придётся идти, прятаться, а может... Ой, не дай бог.

Последних слов Даныша уже не услышал. Он мчался вдоль огородов, огибая деревеньку стороной.

Обширные поля начинались сразу за крайними домами. Непаханные желтовато-зелёные участки чередовались с взрытой и потемневшей от вывернутого плугами чернозёма пашней. Сдеслава удалось отыскать не сразу. Народу на полях работало немало. Только в отличие от недавно переполошившихся баб, тут мало кто отрывался от дел, завидев бегущего по полю парня.

Наконец Даныша увидел знакомую фигуру. Шагах в двухстах, русобородый мужик лет пятидесяти, налегая на плуг, гнал борозду прямо навстречу. Двое сыновей старосты бежали

по обеим сторонам, придерживая коня за узду. Жеребец, молодой и горячий, то и дело вертел головой и фыркал. Даньша так выдохся, что уселся прямо на землю и стал ждать. Сдеслав, как только поравнялся с парнем, остановил коня.

– Молодой ещё, первый раз под плугом идёт, – мужчина подошел к жеребцу, обтер его морду ладошкой и ласково похлопал по шее. – А ты чего тут расселся. Ишь, как запыхался. Случилось чего?

Даньша встал и коротко поведал недобрые вести.

– Сколько их, да где высадились, не знаешь..., – Сдеслав сделал паузу. – Ладно. Ты пока передохни чуток, да бери моего Стригунка. Он под седоком лучше, чем за плугом идёт. Спра-вишься?

Даньша хмыкнул:

– Да уж, не вчера родился.

– Ну да, Ну, да, – было видно, что староста озабочен. – Скачи в город, предупреди народ. Лучше до самого князя просись. Я б своих послал, да ведь малыцы ещё.

Сдеслав глянул на сынов, те слушали беседу, раскрыв рты.

– Что князю сказать то? – Даньша помог старосте снять хомут.

Жеребец, почуяв незнакомого, раздул ноздри, захрапел. Даньша ухватился за узду и вско-чил на коня, тот нервно забил копытом.

– Ничего-ничего, попривыкнет, – Сдеслав снова похлопал Стригунка. – А у князя воинов проси, может, пришлет дружину. Эх, плохо не знаем сколько их.

– А вы, что? – крикнул парень, разворачивая коня. – В леса или как?

Но староста его уже не слушал.

– Обегите всех, кто здесь, пусть в деревню идут, не задерживаются, – Сдеслав поучал сынов. – Соберём люд, а там разберёмся. Горе, оно ведь на вкус противно, его не в одиночку, а всем народом хлебать лучше, тогда каждому меньше достанется.

Мальчишки побежали кликать мужиков трудившихся на полях.

3

Четверо конных выехали из леса.

– Скачет кто-то, – светловолосый мужчина, пригнувшись к лошадиной шее, всматри-вался вдаль. – Прямо на нас. Что делать будем?

Лейв, к которому были обращены эти слова, не ответил. Он привстал в стременах, при-ложил козырьком руку ко лбу. Всадник тем временем приближался.

– Ну, что решил? Скоро он нас заметит. Пропустим, или, переймём? – продолжил свет-ловолосый.

Лет сорока, с перебитым носом, спутник Лейва нервно постукивал пальцами по рукоятке чекана¹⁹.

– Берём его, – наконец произнёс Лейв и слез с коня.

Светловолосый с ухмылкой покачал головой и ловко соскочил на землю. Второй спутник пожилого варяга – молодой кучерявый парень с расплюснутым носом и густыми бровями, тоже спешил. Он покусывал губу и похлопывал себя по ляжкам. Очевидно, азарт светлово-лосого передался и ему.

– Притащите дерево, – Лейв указал на лежавшую поодаль поваленную берёзку. – Киньте на дорогу, чтобы не объехал. Как остановится, вяжем. Только не убивать. Посмотрим сперва кто такой.

Спутники Лейва спрятали коней в кустах и побежали за деревцем.

¹⁹ Чекан – оружие ближнего боя, имевшее боевую часть в виде узкого топора, закреплённого проушиной на прямом топо-рище, а обух в виде молотка.

– Зачем он нам? – посланник конунга Ингельда, которого так запугал Лучезар, смотрел на Лейва с осуждением. – Пусть едет, у нас и без него есть дела.

Он остался сидеть в седле и не двинулся с места.

– Ты бы, не лез, человек, – выдавил Лейв. – О своих делах помни, а в наши, не лезь. Раз спешит, значит не прохлаждаться едет. Может гонец. Обожди в кусточках. От тебя-то, я вижу, проку не будет. Надей, справа зайдёшь!

Последние слова были обращены к кучерявому. Парень кивнул и нырнул за корягу. По его повадкам было видно, что в таких засадах он не новичок. Светловолосый тем временем подыскал дубину, срубил с неё пару ненужных сучков и тоже спрятался в кустах.

Он ехал уже несколько часов. Стригунок, утомлённый ещё во время пахоты, покрылся соляной коркой, с губ текла пена. «Не загнать бы», – Даньша потянул поводья и пустил коня медленной рысью. Дорога пролегла через поросший разнотравьем луг, круто забирала вправо, исчезая за густыми кустами орешника. Даньша ещё раз потянул поводья, жеребец замедлил бег и, чуть было, не налетел на поваленный ствол. Появившийся откуда ни возьмись незнакомец, преградил дорогу и встал на пути, выставив перед собой копьё. Даньша резко дёрнул узду. Стригунок встал на дыбы, замахав в воздухе передними копытами. За спиной что-то треснуло. Всадник обернулся и в самый последний момент увернулся от дубины. Удар достался коню. Стригунок опустился на передние ноги, дёрнул крупом и попытался лягнуть нападавшего. Даньша подлетел и, чтобы не упасть, сам соскочил на землю. Первый из нападавших, пожилой мужчина, отбросил копьё, схватил коня за узду и повис всем телом, из кустов выскочил третий, размахивая кистенём. Даньша вытащил нож, собираясь дорого продать жизнь. Пока первый умирал коня, двое других наступали с обеих сторон. Один из них: кривоносый мужик лет сорока со светлыми с рыжиной волосами, подхватил дубину, которую накануне выронил, уворачиваясь от копыт Стригунка. Он сделал ложный замах, скакнул в сторону и без замаха ударил. Даньша еле успел отскочить, оказавшись в опасной близости от третьего. Тот уже взмахнул кистенём.

– А ну стой, Надей! погоди! – заорал пожилой незнакомец.

Парень с кистенём отпрянул: кучерявый, мордастый, лишь года на два постарше Даньши.

– Э-э-э! Голяш! И тебя касается! – закричал пожилой светловолосому, снова замахнувшим дубиной.

– Чего ждать-то? – разбойник зло сплюнул, но оружие опустил.

Только сейчас Даньша заметил четвёртого. Шагах в тридцати, из-за дерева с опаской выглядывал худой усатый мужик в кожаной куртке и высокой шапке. Даньша стоял на полусогнутых, выставив вперёд руку с ножом. Пожилой подошёл ближе, ведя Стригунка под уздцы:

– Никуда он теперь не денется. Без коня далеко не убежит...

Говоривший застыл на полуслове и в ужасе попятился.

«Этого не может быть. Тот же нос, губы», – Лейв не верил своим глазам. – Нас к конунгу послал, а сам... Да нет. Как бы он успел?». Оба подручных: Надей и Голяш (так звали светловолосого) были готовы ринуться в бой, но без разрешения Лейва не решались. „Глаза сверкают, руки дрожат, понятное дело, напуган. Нет, точно не он, да и выглядит моложе. Хотя лицо...». Молодой всадник, остановленный на дороге, как две капли воды, был похож на княжича Лучезара.

В эту весну Даньша встретил семнадцатое лето. Крепкий и ловкий отроду, парень поднабрался сил с тех пор как умер отец, и мальчик поселился в доме его брата – кузнеца Валдая. С детских лет, приученный к труду, паренёк набирался опыта, да постигал всякую науку. Отца своего парень помнил хорошо. Молчалив и необщителен был Даньшин родитель. Пока два-три

раза у него не спросишь, да не переспросишь, он слова не скажет. Хоть и угрюмый, да не сварливый. Видимо за то и прозвали его в народе Нелюдом. Подходило уж больно прозвище. Зато вот лицом и статью Нелюда природа не обошла. Многие девки да бабы на него заглядывались, да только впустую.

– Холодный он, точно ледышка, – говорили. – Счастья подле него никому не будет.

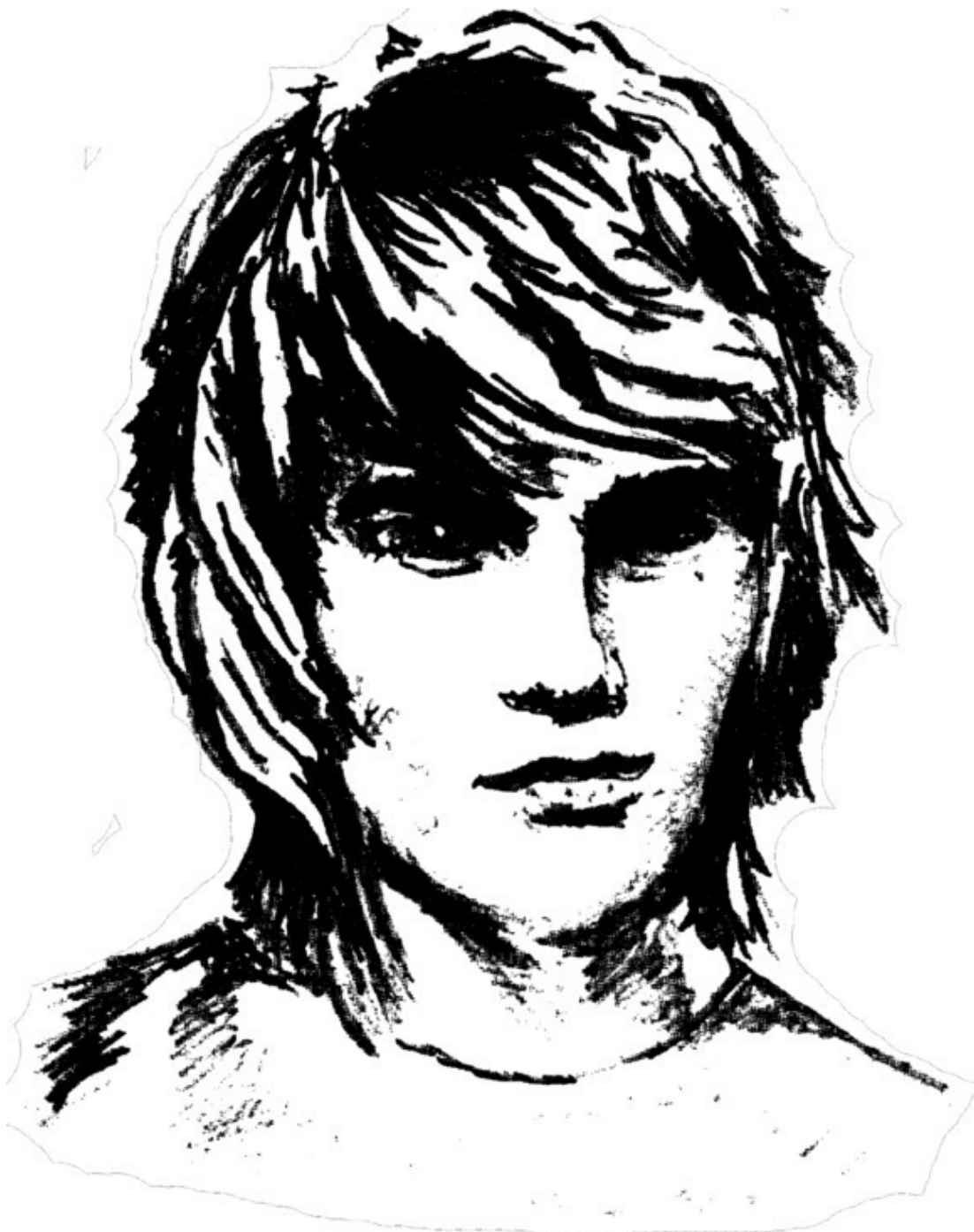
Холоден был Даньшин отец, да и помер от холода. Зимой за дровами в лес ушёл и не вернулся. Труп окоченелый в лесу нашли. А в чём причина, что домой не пришёл, так люди и не поняли.

А вот о матери своей Даньша и вовсе ничего не знал.

– Померла она, когда тебя рожала, – отвечал хмурый папаша, когда сынишка уж сильно его доставал. Вот и весь сказ.

После отцовской смерти жизнь Даньшина как-то веселей потекла. У кузнеца двое сынов, да две девки, так что и Даньше место нашлось. Никого не потеснил. Сам Валдай, нечета брату, весёлый мужик, хоть и жёсткий. Приёмыша от детей родных не ничем отличал, ни лаской, ни тумачком отцовским. Словом, всё честь по чести. Рос парень, не зная ни забот, как и все росли. Вот только о своих родителях так ничего и не знал до нужного часу.

Но всему своё время.

Как-то раз, подслушал Даньша бабские пересуды. Мол, молчун-молчун, а Даньшина мать-то у Нелюда не первая жена была. Вторую-то он так, без любви в дом привёл, а вот та, первая... Даньша наострил уши. Обидно ему стало, что о матери его так говорят. Бабы продолжали заливаться соловьями. Не всё понял парень, понял лишь, что грустил отец по той первой жене, оттого и руки на себя наложил. А вот что с ней стало? Куда подевалась?

И засела с тех пор в душе заноза. Долго он смурой ходил, всё из рук валилось, ни одно дело не спорилось. Кузнец по первой бранился, а потом понял, что не так, да и рассказал парню всю правду. Чай не маленький уже – двенадцать годков исполнилось.

– Невеей её звали, полюбовницу бати твоего. Мы тогда с соседями враждовали, с куршами. Отец твой из похода её привёл, полонянкой. Красивая баба была, хоть и дикая. Посили-

лись они вдвоём в маленьком домишке, на самом отшибе, да так и жили, держась особняком. Жили парою, пока не родился у них младенец.

Даньша слушал дядьку с раскрытым ртом.

Не любили Невею люди, чужая и есть чужая, да ещё с таким мужем, от которого и слова не вытянешь. Да и она сама никого не жаловала. На всех как на зверей смотрела. А как родила ребёнка, так она не только на соседей, но и на мужа озлобилась. Лишь мальчика своего любила, души в нём не чаяла, баловала как могла. На мужа кричит, всем попрекает, а тот, молчун он и есть молчун, ни слова в ответ, всё терпел.

– Отец-то твой мне одному признался, что непростого роду та Невея была. Ну, я, да ладно. Тебе тоже скажу, – с важным видом сообщил Валдай. – Из племенной знати она, дочка князя. Потому-то видно и не жилось ей среди люда простого. Ну, а потом пропала она, исчезла враз вместе с ребёнком. В ту пору в поселении дружинники новгородские останавливались. Может они Невею умыкнули, а может сама сбежала к куршам своим.

На этом кузнец и закончил свой рассказ.

– А про мать-то мою скажи. Она-то кто была? – дрожащим голосом пролепетал Даньша.

– А что мать? Простая девка. Вон там дом их стоял, – кузнец указал на оголённый пустырь. – Сгорела их хата, вместе со всей семьёй. Мать твоя только и выжила. Нелюд её из пламени бездыханную вытащил, так она к нему и привязалась. Другой бы глядишь прогнал, а этот молчит и молчит. Потом забрюхатела она, а при родах померла. Вот вы вдвоём и остались. Отцу твоему до тебя дел-то мало было. Он всё по Невее пропавшей печалился, до тех пор пока в лесу не сгинул, тут-то мы тебя к себе и забрали.

Такая вот история.

4

– Вы кто? – парень с испугом глядел на Лейва и его людей. – Дорогу дайте! Чего я вам сделал?

«И голос не похож», – варяг и вздохнул с облегчением.

Видя, что напавшие на него люди в раздумьях, Даньша дёрнулся к коню, но Лейв преградил дорогу:

– Не спеши. Иль, горит?

Голяш и Надей тут же шагнули вперёд, но Лейв глянул на них строго:

– Расскажи, кто таков, да куда спешишь, может и отпустим.

Даньша видя, что деваться некуда, опустил нож. Он тяжело дышал, руки тряслись:

– Коня отдайте. Не мой он.

– Украл?

Даньша вспыхнул:

– Да, ты, что? Старостин это жеребец, он сам мне его дал, чтобы я в город ехал, князя предупредить.

– Предупредить, о чём?

Даньша наморщил лоб: «Этот, старый – вылитый варяг, и говор у него странный. Да и помощники его... Рожи разбойничьи».

– А вы сами-то кто?

– Мы из княжьего услужения, – уверенно заявил Лейв.

– Не похожи вы на дружинников.

– А то, ты их видал, дружинников? – встрял в беседу Голяш.

Даньша посмотрел на светловолосого презрительно:

– Да уж, приходилось. Я и в городе не раз бывал, да и в деревню нашу они, бывало, наведывались. Княжья дружина в доспехе ездит, с мечами да копьями. Они дубьём не машут.

Голяш отшвырнул палку, сжал кулаки и хотел наброситься, но Лейв дёрнул буяна за рукав:

– Назад, говорю! Я здесь решаю!

Даньша улыбнулся, но не отступил.

– Я ты, малец, угомонись. Уж больно прыткий, – Лейв старался разрядить обстановку. – Я и не говорил, что мы из дружины, а служба, она всякая бывает.

Даньша немного успокоился:

– Ладно. Была, не была, расскажу, если коня вернёте. Староста меня послал князя предупредить, что у нас варяги высадились.

Лейв вздрогнул и укоризненно посмотрел на ингельдова посланца. Тот к тому времени уже вышел из кустов и приблизился к остальным. «Не зря мы, значит, тут дубьём размахивали, – порадовался Лейв. – Эх, не повезло тебе, парень. Не могу я тебя отпустить».

– Ну, что довольны? – Даньша расправил плечи. – Пока я тут с вами беседы веду, варяги, может уже, деревню нашу грабят.

Видя, что ему больше никто не мешает, Даньша шагнул к своему коню. Лейв и Надей расступились, варяг подал знак. Кучерявый довольно оскалился и зашёл Даньше за спину, правляя ремень кистеня.

– Так где, ты сказал, они высадились? – бросил Лейв напоследок.

– Кто? Варяги? Говорю же, в лесу их видал. Они ещё лосей побили. Охотились.

Юноша ухватил Стригунка за узду и...

Тяжёлое било обрушилось на затылок, и Даньша провалился в пустоту.

5

Лейв стоял посреди двора, и смотрел, то на остатки сгоревшего дома. Деревенька, которую недавно покинул Данша (а это была именно она), выглядела сейчас менее привлекательно. Многие строения дымили, кое-где были видны огоньки затухающего пламени. Всюду сновали воины. Одни стаскивали награбленное, другие сгоняли уцелевших жителей. То там, то тут из какого-нибудь амбара или сарая, доносились истошные женские крики. Насилие и смерть царили вокруг. Воины наслаждались вкусом победы. Рядом с Лейвом, на повалившемся заборе сидел худощавый мужчина в кольчуге и перебирал пальцами янтарные бусы. Неподалёку расположились двое здоровяков. Один сидел на поваленном столбе и точил топор, второй стоял, облокотившись на копьё. Они переговаривались и не выглядели воинственно. Хотя Лейв знал, что при первой опасности эта парочка готова ринуться в бой и защитить своего вожака. Вот только сам Ингельд и без того отнюдь не выглядел безобидным. Холодные как у рыбы глаза, выбритые виски, волосы, не стриженные годами, заплетены на затылке в тугую косу. Длинный меч в потёртых ножнах лежал на коленях предводителя данов, словно простая палка. Поверх меча лежал туго свёрнутый кусок пергамента. Грудь сидевшего украшала бляха из белого золота с изображением турьего рога. Ингельд сын Оля, прозванный Кривым Рогом – самопровозглашённый правитель Фальстера²⁰, мятежник, затеявший бунт против собственного правителя испытывал двойственные чувства.

Он впервые пришёл сюда. Земли, которые он увидел, завораживали красотой и величием. Огромные поля, леса полные дичи, полноводные реки. Места, откуда он приплыл, так мало походили на эти. Он с удовольствием бы остался здесь навсегда, но его цель была другой. Он должен обосноваться здесь, переждать, чтобы обрести силу и вернуться. Там, у себя на родине он лишь мятежник, предавший своего правителя, здесь он должен стать желанным гостем, хотя бы на время. Для этого ему и нужен был Лучезар. Он захватит большой город Хольмгард²¹ и остановится в нём. На время. Он объявит жителям, что явился по призыву местного княжича, чтобы избавить город от старого князя-тирана. Он соберёт большое войско, построит новые корабли и вернётся домой, чтобы самому стать королём.

²⁰ Фальстер – остров на юго-востоке современной Дании.

²¹ Хольмгард – город на холмах (скандинавское название Новгорода).

– Твой хозяин должен был встретить меня сам, а не присылать слугу, – конунг говорил почти без акцента.

– Хозяин решил не рисковать, в Новгороде не спокойно.

– Мне плевать, спокойно там у вас, или нет! Я платил за помощь ярлу Лучезару. Ему, не тебе. Поэтому, я хочу иметь дело с ним. За деньги, которые он получил, мог бы приехать сам. Да и с какой стати я должен тебе верить?

«Если бы ты знал, на что потрачены эти деньги, ты верил бы ещё меньше», – усмехнулся про себя Лейв, и добавил вслух:

– Я принёс тебе карты, твои кормчие смогут по ним...

Ингельд швырнул к ногам собеседника, лежащий на коленях свёрток:

– Разве эти каракули стоят того, что я ему дал?!

Лейв нагнулся и поднял упавшие карты:

– Напрасно ты так. Без планов побережья твои корабли могут наскочить на отмель. Возле города много подводных камней, а на стенах стоят самострелы. Если твои корабли подойдут не с той стороны, жители города обрушат...

– Замолчи! – Ингельд отвернулся.

Он понимал, что слишком опрометчиво отвергать то, за что уже уплачено, и плату назад уже не взять. «Может этот Хольмгардский ярл Лучезар и вправду не смог приехать лично? Ну ладно, если он обманул, у меня есть способ его наказать. Главное взять город».

– А ведь ты из наших, верно? – конунг сменил тему.

– Ты слышал о Роскилле²²? Я родом оттуда. Моё имя Лейв, я рождён бондом, хотя мне и приходилось вертеть весло драккара²³.

– Ты был викингом, но променял меч и весло на славянскую похлёбку?

– У меня не было выбора.

– Выбор есть всегда. Если ты воин, бери меч и вставай в наши ряды.

– Я служу княжичу Лучезару и я должен привезти ему твой ответ. Только тогда он сможет выполнить вторую часть своего обещания и дать тебе сигнал для начала битвы.

– Довольно! – Ингельд поднялся. – Я не верю, что ты был викингом. Ты трус и прислужник труса. Ты позабыл про свой меч, а значит, тебе не видать Вальхаллы²⁴, но ты сам выбрал этот путь. Твой ярл сидит в тепле и мечтает о власти, вместо того что бы завоевать её своим мечом. Когда город падёт, я подумаю, стоит помогать такому человеку. Ты свободен, но если твой хозяин сделает что-нибудь не так...

– А мои люди? – Лейв оживился.

– Пусть убираются. От них, я думаю, тоже не будет проку. Мне не нужны лишние рты.

Конунг прошёл мимо, оба телохранителя поспешили за ним. Лейв с трудом верил в свою удачу.

– Ах, да, – обронил конунг напоследок. – Этот пленник, которого ты притащил, пусть останется. Мне сейчас нужно много трелей.

6

Большая птица опустилась на примятую траву, сделала несколько прыжков и остановилась. Её круглые глаза блестели словно бусины. Лежавшее рядом тело оставалось неподвижным. Ворона выждала ещё немного, сделала ещё пару прыжков и, уже шагом, подошла к лежащему в грязи человеку. Даньша очнулся и пнул ногой наглуую птицу. Та шарахнулась, разразившись хриплым карканьем, и улетела. Резь в затылке оказалась такой сильной, что Даньша застонал. Он снова попробовал шевельнуться, расправил плечи и приподнялся на лок-

²² Роскилле – фиорд, на севере острова Зеландия.

²³ Драккар – боевой корабль викингов.

²⁴ Вальхалла – «дворец павших», воинский рай викингов.

тях. Боль снова заявила о себе. Оглянувшись, юноша пришёл в ужас. Он лежал на куче соломы возле какого-то сарая, вокруг сновали незнакомые люди. Едкий запах дыма резал нос, заставлял глаза слезиться и вызывал тошноту. Даньша зажал нос рукой, и увидел, что пальцы перепачканы запёкшейся кровью. Судорога скрутила тело, его вырвало.

– Очухался? – Надей склонился над пленником. – Может воды?

Надей протянул флягу, Даньша отрицательно покачал головой.

– Живучий попался, – фыркнул Голяш, развалившийся рядом, прямо на траве. – Я-то думал, что ты его того, насмерть зашиб.

– Зря от питья-то отказался, – Надей приложился к фляге, вода потекла по его щекам, залилась за воротник. – Эти тебя поить не станут.

Парень кивнул на бродящих повсюду воинов.

– Вы ж, вроде, из наших, а варягам прислуживаете, – прохрипел Даньша, не узнав собственного голоса.

– Не этим мы служим, а княжичу новгородскому, – беспечно заявил Надей.

– Ты язык себе прикусить не пробовал? – зло прошипел Лейв. Он подошёл бесшумно, так, что все его заметили лишь в последний момент. – Треплешься как баба базарная, а думать башкой не хочешь.

– А чего я такого сказал? – парень надул губы.

– Ничего! Собирайся давай, в Новгород едем.

– Это дело. Давно пора.

Пока оба его помощника седлали коней, Лейв подошёл к Даньше и присел рядом.

– Ну, что, оклемался? Не успел я давеча тебя расспросить. Сам-то, говоришь, из местных? Даньша отвернулся, набычился.

– Ну, не хочешь говорить, не говори. Человека ты мне одного напомнил, вот я и хотел узнать...

– И верно, на хозяина он похож. Ну, прям одно лицо, – встрял в беседу подошедший Радей. – Всё готово, можем ехать.

Даньша всполошился:

– Какого человека? Кто ваш хозяин?

– Про родителей своих скажешь чего? – спросил Лейв.

– Отец в лесу сгинул, когда я ещё малым был, а мать при родах померла.

– А братья, сёстры есть?

– Нет никого. Хотя, дядька говорил, была у отца другая жена. Вот от неё был ещё ребёнок. Только они пропали, ещё до того, как я родился. Вроде князьи люди их умыкнули, а может она сама сбежала, отцова жена и ребёнка забрала.

Все становилось на свои места. Последние сомнения отпали. «Значит братья по отцу они – единокровные²⁵, – Лейв в раздумьях почесал бороду. – Эх, к хозяину бы его свезти. Не поверит ведь».

– Этого-то как? С собой? – прервал размышления Голяш. Он уже сидел в седле.

– Остаётся он. Так конунг велел.

Старый варяг взобрался на лошадь, которую ему подвёл Надей, и они тронулись в сторону Новгорода. Даньша с тревогой глядел вслед удалявшейся троице.

²⁵ Единокровные – дети от общего отца (единоутробные от матери).

Глава четвёртая Конунг и княжич

1

С вечера заметно потеплело, и отсутствие ветра подсказывало, что вскоре прибрежная полоса покроется густым туманом. Водная гладь, мягкая и прозрачная играла зеркальными бликами в лучах восходящего солнца. Огненный диск, словно продираясь сквозь толстую гущу набегавшего тумана, лениво появлялся из-за горизонта. Корабли шли медленно, с опущенными парусами. Мощная грудь драккара уверенно рассекала теплые воды реки. Гребцы плавно опускали весла и прислушивались к окружающим звукам.

Ингельд стоял на носовой палубе. Сегодняшний день мог определить его дальнейшую судьбу. Пока остальные ярлы сражаются с вендами²⁶, а король пытается объединить страну, он обретёт почву здесь у восточных славян. Если Хольмгард – сердце и торговый центр Гардарики, падет, подмять под себя остальные города словен и кривичей особого труда не составит. Но в одиночку этого не сделать. Вот почему ему нужен этот славянский княжич. Ну и что, что он приёмыш? Раз он признан своим отцом, да и самим князем, то он вполне сгодиться. Будь он чистых кровей, им труднее было бы управлять. «Я всё же посажу его на Хольмгардский престол, хоть он того и не стоит, – Ингельд подавил усмешку. – Он даже не высунул носа из своей конуры. Когда свора дерётся за кусок мяса, трусливый пёс сидит в стороне. Но, он с удовольствием сожрёт пищу, если её сунуть прямо в пасть».

К конунгу, сквозь ряды гребцов прошёл одноглазый горбун. Эгиль – главный кормчий передового корабля опёрся на борт, перегнулся и негромко произнёс:

– Ничего не видно, мы ползём как улитки.

– А рисунки, которые прислал ярл Лучезар?

– Что с них проку, когда ни одного ориентира нет? Я велел промерять глубину, чтобы «Горбатый Вепрь» (так назывался головной драккар флотилии) не налетел на мель.

На самом носу корабля один из воинов то и дело тыкал длинным шестом в илистое дно. Гребцы опускали вёсла, придерживая ход судна. В кильватере Вепря, словно, крадучись, один за другим, двигались остальные корабли.

– С берега должны подать сигнал, – Ингельд старался казаться спокойным. – Главное, чтобы нас не заметили раньше времени.

²⁶ Венды – собирательное название всех славян, живших по соседству с германскими народами.

За спиной что-то гроыхнуло. Один из гребцов – светловолосый здоровяк, сидящий по левому борту, задел локтем шлем, тот упал и покатился по палубе.

– И не услышали, – злобно продолжил Эгиль. – Забери тебя Ран²⁷, Рунольв, ты хочешь, чтобы какой-нибудь местный рыбак раньше времени поднял тревогу?

Провинившийся воин виновато пожал плечами. Он схватил упавший шлем, который ему бросил один из товарищей и засунул его под корабельную скамью.

– Это всех касается, – злобно прорычал Эгиль. – Видите себя тихо как мыши, а глаза и уши держите открытыми.

Хирдманы²⁸ хорошо знали сварливый характер главного кормчего. Они привыкли к его ворчанию и угрозам. Ведь тому, кто связал свою жизнь с морем, кто не понаслышке знает о бурях и штормах, очень важно то, кто стоит у руля. Эгиль не раз доказывал, что способен наравне бороться с любой стихией. Неказистый горбун, с ручищами, напоминавшими клешни огромного краба, мог часами стоять у руля и удерживать курс при любой погоде. Слово Эгиля считалось не менее значимым, чем приказ самого конунга.

– Вижу! Вижу свет!

Воин по имени Рунольв, тот, что уронил накануне шлем, первым заметил сигнальные огни.

– Да вижу я. Если у меня один глаз, это не значит, что я ослеп на оба, – голос Эгиля заметно потеплел.

В густом мареве тумана показались два расплывчатых пятна. Воины оживились. Эгиль облегчённо вздохнул:

– Ну, что, мой ярл (Эгиль, забывшись, назвал Ингельда родовым титулом)? да придут с нами боги.

– Я знал, что он не подведёт. Да, за такую плату...

Ингельд недоговорил. С остальных кораблей уже подавали условные сигналы. Тишину нарушили громкие скрипы и лязг железа. Воины натягивали кольчуги, помогали друг другу застёгивать ремешки шлемов, словно заботливые мамы, ухаживающие за малыши. Десятки вёсел разом опустились в воду, которая буквально забурлила, вспенилась. Конунг на мгновение закрыл глаза и втянул ноздрями воздух. Он уже почувствовал аромат предстоящего боя. На мгновение все замерли. Каждый из воинов, рассматривая очертания береговой линии, вполглаза, поглядывал на своего вождя. Ингельд ощущал эти взгляды: «Как же я люблю этот миг, это затишье перед боем». Единственное, что нарушало тишину, это плескание воды, бьющейся о борта корабля.

– Начинаем, – произнёс Ингельд чуть слышно, но, показалось, что его услышали все.

Конунг посмотрел на небо. Над его головой кружили вороны.

2

Кукша стоял у бойницы, опершись на древко копья. Утренняя свежесть, пришедшая на смену теплой ночи, заставляла ёжиться и переминаясь с ноги на ногу. Он смотрел на расстилающуюся дымку, и вспоминал вчерашний день. День завтрашний сулил большие перемены. Сам Заброта – купец от пушного ряда²⁹ согласился принять у себя молодого дружинника. Причиной предстоящего визита стала Забротина дочка Ружена – зеленоглазая пышногрудая девка с бойким нравом и острым языком.

Поначалу на все попытки Кукши к ней подступить, красотка отвечала отказом. При этом то и дело строила глазки, как будто завлекала, дразнила. Оно и ясно: купеческой дочке

²⁷ Ран (миф.) – штормовое божество моря. Великанша Ран владела волшебной сетью, которую набрасывала на корабли и утаскивала их на дно.

²⁸ Хирдман – рядовой воин-дружинник у скандинавов.

²⁹ Имеется в виду район города, где жили люди, занимавшиеся пушным делом.

и самой приглянулся розовощекий соседский паренёк – сын горшечника Лепки. Но в их совместных беседах, Ружена только похохатывала и высмеивала парня по любому поводу:

– Ай да ухаждёр: портки в глине, от самого печной гарью несёт. Зачем мне такой воздыхатель?

Кукша обижался, но терпел. Ружена не унималась пока парень и вовсе не озлобился.

– Ну и ладно. Раз я тебе плох, другую сыщу. Что девок в городе мало? Батя мой, спроси любого, один из лучших мастеровых в городе. Я у него старший, а значит наследник, любая такому жениху рада будет.

– Что с того, что отец твой лучший? Велика честь глину месить?

– А где ж, по-твоему, эта честь?

Ружена перестала хихикать:

– Парень ты крепкий, шёл бы в ратники.

Кукша продолжал делать вид, что дуется.

– Вон дядька мой, Живан, он в сотню городскую в лаптях пришёл, а сейчас – сотник.

Кукша задумался: «Эвон оно как, вон чего придумала».

– Я ведь могу дядьке слово замолвить, – не унималась бойкая девица. – Мне он не откажет. Тогда бы я, глядишь, за тебя и пошла, да и батя мой...

Раздумывал Кукша недолго. Он и сам, порой, с завистью поглядывал на городскую дружину. Всегда в дорогих одежах, справные, ухоженные. Он сам, да и товарищи его не раз сторонились, уступая дорогу, городским ратникам. «А что? Коль шепнёт Ружена дядьке, глядишь, и выгорит. А горшки лепить, мне и самому надоело».

С того дня, как состоялся этот разговор, прошло, почитай, с полгода. Сотник и вправду не смог отказать любимой племяннице, и вскоре сын горшечника вступил под его начало. И вот сегодня, стоя в карауле на башне, парню не терпелось поскорей сдать пост и отправиться к Ружениному родителю. «Теперь-то Заброда уж точно не откажет. Отдаст дочку, никуда не денется». Кукша с гордостью поправил пояс. Ещё накануне парень приготовил белую рубаху, сапоги и запаса подарками для будущей невесты. Но утро, почему-то, казалось нескончаемо долгим. Голова под войлочным подшлемьем, несмотря на прохладу, вспотела, Кукша снял шлем и утёр пот. С реки дул легкий ветерок. «Никак парус?». Сквозь туман показался нечёткий контур. «А вот и второй, третий. Купцы, от варягов плывут? Или повольники с Ладоги возвращаются?». Парень нацепил шлем и перебежал к другой бойнице. Вниз по Волхову двигалась вереница судов. «Резво плывут, и туман им нипочём, – Кукша высунулся из бойницы. – Да тут целый флот, а паруса-то, кажись, не наши. Не было бы худа». По телу пробежал холодок: «Тревогу бить? А вдруг свои, так ведь потом засмеют». Корабли тем временем приближались. «Варяжки это корабли. Вон на носах рожи звериные».

С соседней башни послышались крики. Не один Кукша приметил незваных гостей. Переполошённые стражники засуетились, забегали, громкий звон нарушил утреннюю тишь. Когда городское било, запело свою тревожную песнь, несколько кораблей уже уткнулись в прибрежный ил. Первые воины прыгнули на берег и побежали к городским воротам.

3

Весть о том, что варяжские корабли подошли к стенам, и противник сходу начал штурм, застала Гостомысла в постели. Нацепив одежды, князь велел подать коня.

– Кольчугу-то надень, – фыркнул престарелый прислужник Багоня, недовольно поглядывая на князя. – А то и вовсе, сидел бы, там и без тебя, есть, кому мечом махать.

Гостомысл принял доспех и ойкнул:

– Да, неужто я в ней на коня влезу? Поднимаю-то с трудом.

Гостомысл вернул кольчугу прислуге.

– Так и я о том. Куда собрался? – Багоня замахал руками.

– Князю с войском надо быть.

– Побойся богов. Там воевода, сотники. Уж без тебя обойдутся, поверь.

Отрок подвёл коня, Гостомысл ухватился за узду.

– Ты, Багонька, не лезь. Сказал еду, значит, еду. А ну, пособи.

Отрок помог князю взобраться в седло.

– Ну, ты батюшка и неуёмный, – Багоня сменил гневный тон на плаксивый. – Ты хоть там поберегись, а то куда ж мы без тебя.

– Лучше в бою сгинуть, чем в постели помирать.

Гостомысл расправил плечи и пришпорил лошадь. Глядя вслед удалявшемуся всаднику, старый служка прослезился:

– Да уж ты, не спеши, отец, помирать-то. Столько тобой сделано, для люда, для города. Пропадёшь зазря, а заменить-то некому?

На улицах творилось такое, что Гостомысл пришёл в ужас. Люди метались, кричали, плакали навзрыд. Толпа преградила дорогу князю. Не признали. Кто-то бежал к стенам, кто-то прятался в домах, лаяли псы, ржали кони. Гостомысл схватился за голову: «Что творится? Где городская рать, где воевода?». Страх горожан передался и ему. «Вот оно. Я один повинен в том, что такое случилось. Не предвидел. Не доглядел». Князь рванул на груди рубаху, жадно глотая наполненный гарью воздух. На стене у главных ворот шёл бой. Гостомысл поспешил туда, но его остановили.

– Поберётся бы, князь! – выкрикнул, откуда ни возьмись, появившийся бородач в кольчуге. Гостомысл признал сотника Живана. Дядька Ружены, тот самый, что помог Кукше устроиться в городскую сотню, оборонял стену у главных ворот.

– Савка, Лучок, а ну, сюда! – гаркнул сотник. – Прикрывать князя! Коль не сбережёте, головы сыму.

Два воина устремились к князю, но тот миновав Живана уже поднялся на стену. Гостомысл оттолкнул одного из дружинников, не желая, что бы его как стерегли как младенца. В этот момент второй из подбежавших принял на щит стрелу, князь вздрогнул.

– Не балуй, княже, успеешь ещё смерть принять.

Седоусый Лучок, прикрыл князя всем телом. Очередная стрела, просвистев рядом, оцарапав щёку второму ратнику, которого Живан назвал Савкой.

– Видал? – Лучок укоризненно посмотрел на князя.

Савка – молодой парень только крякнул, вытирая кровь:

– Во, пуляют, рыбы дети, чуть глаза не лишился.

Гостомыслу оставалось лишь подчиниться. Собственная беспомощность, ответственность за жизни этих людей заставили не помышлять о большем. «Они рискуют из-за меня, а я ничем не могу помочь».

Марево над рекой рассеялось. Но на смену туману поднялась новая стена. Клубы дыма закрывали от взора большую часть суши, на которой развернулась бойня. Дома расположенные за стенами града, полыхали. Дым щипал ноздри, резал глаза, закрывая обзор. На одной из стен шёл бой. Нападавшие по лестницам забрались на башню и теперь дрались за захваченный кусок с неистовством зверя.

– Если этих не сбросят, пропал город, – Лучок прикусил губу. – Лезут и лезут, как муравьи. Славные вои варяги, этого у них не отнять.

– Мы тоже не из мякиша леплены, – усмехнулся Савка.

В щите у парня торчали уже три стрелы. «Они ещё во что-то верят, значит нужно верить и мне?» – подумал князь.

4

Сказания о победах великого Гостомысла уже не передавались из уст в уста. Прошли годы, и теперь он никто. Где те воины, которые готовы дать отпор врагу, где герои, способные

повести за собой? Где ушедшие без времени сыны: Выбор и Звенислав, Светлан и Словен? Где они, герои и удалыцы? Их тела сгорели на погребальных кострах, а кто-то сгинул без погребения. Любой из них мог бы повести войска. Какие были княжичи? Какие герои? Но боги распорядились иначе.

Тяжкий стон вырвался из уст князя, пришедший ему на смену вопль, напугал Лучка:

– Что, княже? Зацепило? Как же я проглядел?

Увидав, что князь не ранен, Лучок затряс головой.

– Гляди, – Гостомысл преобразился. – Вон как врага бить надо.

Савку и Лучок оставились туда, куда указал князь. На захваченном участке стены, произошла перемена. Варяги закрепившиеся в башне, были потеснены и теперь с трудом удерживали завоёванный участок. Высокий мужчина, облачённый в чешуйчатый доспех, разил недругов длинным мечом подобно былинному герою. Бармица³⁰ и наносье шлема, закрывали лицо, но фигура показалась Гостомыслу знакомой.

– Кто ж такой, не признаю?

Савка и Лучёк пожали плечами.

– А кто ж их теперь разберёт. Вон их сейчас сколько удалыцов. Что ни купец, то ратник, да и дружина, почитай, у каждого своя, – пробормотал Лучок.

– Не из наших, это точно, своего б я тут же признал, – уверенно заявил Савка.

Тем временем в бой готовились вступить новые силы. Хорошая сотня горожан взобралась на стену, где развернулась основная сеча. Кучка нападавших, прикрываясь щитами и оцетившись и сражалась, четко и слаженно. Новгородцы ударили, и началась резня.

– Что же он делает? Зачем мужиков вперёд пустил?

Неизвестный воин отвёл своих и пропустил вперёд горожан. Толпа, воодушевлённая успехом, бросилась на захватчиков. Варягов секли топорами, кололи вилами, кое-кто использовал обычные косы. Многие из мужиков, увидав, что принадлежащие им постройки расположенные за городской стеной, преданы огню, осерчали. Захватчики выдержали первый удар. Плотнo сомкнув щиты, они, развернувшись на две стороны, ловко оборонялись от неумелых противников. Варяги кололи, резали, секли, безжалостно и умело. Необученное новгородское воинство таяло на глазах.

– Чего ж он ждёт то? Самое время ударить. Сколько народу гибнет!

Гостомысл аж прослезился. Он оттолкнул Савку с его щитом и бросился к башне. Тут дорогу князю перекрыл Живан.

– Где Гойслав? – рявкнул князь на сотника. – Я ему дружину доверил, а его нет нигде.

– Так посекали воеводу. Сразу же, как только дружину к воротам вывел.

– Как посекали, А кто же войском управляет?

– Так никто, похоже, – сотник пожал плечами. – На каждом пяточке своя рать, а где рать, там и вожаки находятся. Кто пошустрей да побойчей, тот и главный.

– У нас завсегда так. Как на игрищах, когда стенка на стенку. Толпа в кучу соберётся, кто посильней, тот и воевода, – встрял в разговор подоспевший Савка.

– Дурак ты! – озлобился князь. – Где ты тут потеху увидал, тут не мордобой, сеча. Эх, губим народ по дури своей, да по неумению.

К тому времени добрая половина ополченцев уже полегла, но и даны потеряли многих. Прижатые к стене, они, рвались вперёд, чтобы те, кто стоял у них за спиной, смогли подняться на стену и вступить в бой.

В этот момент, высокий воин уже перестроил своих и дал сигнал. Изрядно подуставшие варяги оказались не готовы, их строй рассыпался. Это и решило исход битвы.

– Герой. Вот настоящий витязь, – восторженно произнёс Савка.

³⁰ Бармица – кольчужная сетка, надеваемая под шлем и защищавшая часть лица и шею воина.

– Герой! – Лучок сплюнул. – Сколько народу положил, чтобы своих сбережь. Сорвал победу, только мужиков тех, что пали, не вернуть уже. С полсотни полегло, а то и больше.

Лучок уселся на лестничную ступень. Гостомысл посмотрел на пожилого воина, и чувство вины снова захватило его. Поддерживаемые остатками горожан, воины неизвестного «героя» сбросили со стены варягов, всех тех, кто остался в живых. Город был спасён.

5

Гостомысл взирал на недавнее поле битвы. Город отстояли, но какой ценой: сотни трупов, обгорелые остатки строений.

– Победа, княже! – обрадованный Живан, так и светился. – Отошли варяги, сели на корабли и поминай, как звали.

– Отошли-то, отошли, да вот не уйдут они просто так. Посылайте гонцов, пусть соседи воев шлют, ополчение скликают. Одной городской ратью нам варягов не прогнать.

«Потерпев поражение и не взяв города, они разобьются на небольшие отряды, будут грабить, и убивать. Возьмут добро, пленников, а что не смогут унести, сожгут. А я, что сделал я, никчёмный старик, что бы этого избежать, заперся за высокими стенами и отсиживаюсь, словно медведь в берлоге?». Отовсюду слышались причитания, крики и плач. Гостомысл поёжился. Несмотря на присутствие сотника и приставленных им стражей, старый князь чувствовал себя одиноким. Люди, снующие вокруг, даже не замечали его, а если кто и признавал, то такие быстро отворачивались и уходили проч. Неподалеку собралась толпа. Помимо горожан, князь разглядел с дюжину крепких воев в кожаных доспехах.

– Кто такие? – напрягся Лучок. – Не наши вои. Может, кто из купцов пришлых нанял. Только это не варяги.

– Так это ж те, что на стене бились, а до того ворота городские отбили, – пояснил Савка. – Стража, можно сказать, корабли варяжские, прозевала, туман стоял, хоть глаз коли. Когда заприметили, варяги уж к берегу пристали, да к воротам. Стали пегли рубить, таран притащили. Пока рать городская подспела, считай уж, в город ворвались, ворота вон и сейчас перекошены.

Парень с интересом рассматривал чужаков: длинноволосые, скуластые, все в высоких колпаках, с копьями и обтянутыми кожей щитами. Чужаки свысока поглядывали на окруживших их горожан, изредка, неохотно отвечали на вопросы.

– Балты это. Наёмники. Не варяги конечно, но тоже вои неплохие, – Живан грозно глянул на разошедшегося Савку, тот умолк. – Когда Гойслав пал, это они к воротам подспели. Крепко ударили. Кабы не они, не стоили бы мы тут сейчас.

– Они и со стены варягов скинули. Так?

– Они, княже, – Живан вытянул шею и указал рукой. – А вон и их старшой.

Гостомысл разглядел среди балтов высокого воина. Мужчина стоял к князю спиной и что-то говорил. Он снял шлем, но, Гостомысл по-прежнему не видел его лица.

– Собрать бы этих, наёмных, да покликать наших. Тех, кто выжил, – снова встрял Савка. – Можно было бы за стены выйти, да настичь варягов, а то ведь точно пожгут всёю округу. Что думаешь, княже?

Но, Гостомысл не расслышал слов молодого ратника. Высокий воин, отличившийся в недавней битве, наконец-то, повернулся, и Гостомысл не поверил собственным глазам.

– Откуда у тебя дружина?

– Всего лишь небольшой отряд, – Лучезар сдержал усмешку.

– Не было ж, ранее. Когда успел?

– Ты недавно заметил, что я хорошо веду торговые дела. Я получаю доход, а его нужно охранять.

К месту, где стояли князь и его приёмыш, подходили люди. Всем хотелось посмотреть на своего спасителя. Те, кто недавно бился с захватчиками, и те, кто прятался в подвалах домов: бабы и мужики, старики и дети, поняв, что опасность миновала, наполняли на улицы. Возле Лучезара и его ратников уже собралась целая толпа.

– Вот тебе и приёмыш, – шептались люди. – Видали как бился?

На новоиспечённого героя толпа взирала с трепетом, а вот Гостомысл заметил несколько недобрых взглядов. Сегодня именно его многие винили в том, что город, чуть было, не оказался во власти неприятеля.

– Сегодня был трудный день, – произнёс Лучезар, чтобы его услышали все. – Мне и моим людям нужен отдых. Дозволь нам уйти, князь.

Мужчина низко поклонился, Гостомысл опешил. Приёмыш никогда не отличался благонаравием и покорностью.

– Почему ты ничего не сказал мне? – произнёс князь вполголоса. – Этот набег? Ты словно знал...

Приёмыш не дал договорить. Его лицо переменилось: глаза сузились, рот искривила злая усмешка. Он прошипел:

– А что бы это изменило? Ты всегда считал меня ничтожным приёмшем. Не желал признать, что я способен заменить тебе павших сыновей.

Гостомысл отшатнулся. Ему стало не по себе.

– Я доказал, что чего-то стою, а вот чего теперь стоишь ты, князь? Старый, беспомощный? Думаю, народ сам решит, кто способен им управлять, а кто нет.

Молодой человек бросил на старика презрительный взгляд, повернулся, и сопровождаемый своими людьми направился восвояси. Многие из тех, кто стоял вокруг последовали за своими спасителями. Гостомысл тяжело вздохнул и побрел прочь: «Любовь народа переменчива. Когда-то эти люди приветствовали меня, а теперь никто из них даже не смотрит в мою сторону. Может, я и впрямь сделал ошибку? Может, приёмыш действительно достоин большего?».

На телегу швырнули тело.

– Погоди-ка, – Живан придержал за рукав плюгавого мужичка в драной рубахе. Оба: сотник и князь, принялись разглядывать очередной труп.

– Этот, кажись мой. Свезите его на городище. По дружинникам отдельную тризну справим, за счёт городской казны, – Живан вопросительно поглядел на князя. Тот кивнул. Плюгавый и двое его помощников лишь пожали плечами. Гостомысл пригнулся:

– Молодой совсем. Ни пожить, ни повоевать не успел.

Князь закрыл ладонью опустевшие глаза мертвеца. Кукша лежал с пробитой грудью, из которой торчал обломок стрелы. В этом бою он принял смерть одним из первых.

6

Лучезар метался по комнате:

– Почему ты не сразу прикончил его!? А если он кому-нибудь расскажет?

– О чём? – Лейв глядел на хозяина с укором.

– Он видел вас. Он знает, что вы мои люди и что вы в сговоре с варяжским конунгом!

– Но там были десятки пленников.

– Те люди, не знают тебя, а этот... Ты сам сказал ему, кто ты и кто я.

– Но, ведь этот мальчишка твой...

– Замолчи!

Голос Лучезара дрожал, на губах выступила пена. Лейву стало жутко.

– Я сын княжича, а не какого-то деревенского заморыша, замёрзшего в лесу. Я верю в это, и в это же должны поверить все.

Лейв не смел возразить. Он стоял в самом углу, в тени, поникший и усталый. Лучезар приблизился и, ухватив старого варяг за плечи, просипел:

– Ты вернёшься и найдёшь этого парня.

– Вернутся? Но, куда?

– Туда, где ты его оставил.

– В варяжский лагерь? К конунгу?

Глаза Лейва округлились. Но когда старик посмотрел в лицо собеседника, он ужаснулся.

– Да, ты вернёшься, и прикончишь его.

Лейва не поверил своим ушам. Проникнуть в лагерь врага, разыскать среди десятков пленников того юношу...

– Я уже стар, – произнёс Лейв неуверенно. – Боюсь, это мне не под силу.

– Пока Люди Ингельда грабят, они не станут особо охранять пленных. Ты сделал ошибку, тебе её и исправлять. Я должен знать, что этот человек мертв.

Лейв склонил голову:

– Раз ты велишь, я сделаю это.

Голова кружилась, колени дрожали, на этот раз его точно посылали на смерть. «Он не остановится, пока не добьётся своего, а скольких людей он при этом погубит, неважно». Робкий стук нарушил тишину.

– Ну, кто ещё? – гневно крикнул Лучезар.

Дверь приоткрылась, прислужник протиснулся в дверь. Он мял в руках шапку и несмело поглядывал на Лучезара и его слугу:

– Город гудит. Вон, и колокола бьют всюду.

Издали доносился глухой перезвон.

– Чего там ещё? Ушли же варяги?

Лейв распахнул ставни и выглянул в окно. По улице сновали люди.

– Так не про варягов тот звон, – пояснил прислужник.

Лейв и Лучезар уставились на вошедшего.

– Новость дурная, княжич. Дед твой, да наш князь, Гостомysl помер. Говорят: «Лёг накануне в кровать, а поутру его уж холодного нашли».

7

К центральной площади стекались люди. Вече шумело.

Те, кто вчера отчаянно бился с захватчиками и те, кто прятался в погребах и подвалах, сегодня собрались на общий совет. Каждый имел право голоса, каждый мог говорить. Среди общего, глухого гула, время от времени, слышались чьи-то отдельные крики и бесшабашный хохот. Бревенчатая постройка, возведённая посреди площади, служила помостом, на который то и дело взбирались говорившие. Лучезар стоял неподалёку, рядом стояли двое: Витт и Гинта – вожаки нанятых княжичем балтов, так умело сумевших отразить все натиски захватчиков. Остальные наёмники смешались с толпой, чтобы не выделяться. Но, они всё равно бросались в глаза, так как и одеждой и причёсками сильно отличались от бородатых и коренастых новгородцев. Неподалёку стояли и Голяш с Надеем. Вокруг них собралась куча разного люда: дворовая челядь, прислужники княжича и просто лихие соседские парни, которых помощники Лучезара сумели заманить на свою сторону. Княжий приёмщик не поспешил на подарки. Посулами и деньгами слуги Лучезара привлекли на свою сторону многих. Все эти люди, готовые поддержать своего выдвиженца, мало слушали тех, кто произносил речи, они ёрзали, суетились, но княжич казался спокойным и безучастным. На помост поднялся кряжистый бородач в добротном кафтане. Толпа признала в нём боярина Желыбу. После смерти Гойслава именно он возглавил сильно поредевшую городскую дружину.

– Ну, что, новгородцы. Довольно мы уже пошумели, – начал боярин. – Кто и насколько виноват, что варягов недоглядели, об том, пожалуй, даже правнуки наши судачить будут.

В толпе засмеялись, новый воевода поднял руку:

– А теперь пора решить главный вопрос: «Кому отныне городом править?». Умер князь и не оставил приемника.

Тут толпа впервые пришла в движение: «Новгород издревле вечем силён! Не надобно нам князей! Вон врагов и без князя побили! – слышались голоса. – Гостомысл ваш в сторонке стоял, когда варягов били. Князя, да его дворню кормить надо, а у нас нынче всё добро пожгли, самим есть нечего». Желыба нахмурился, выждал, когда народ поутихнет и продолжил:

– Вече для того, что бы законы принимать, да суд вершить. По всякому делу мелкому люд не соберёшь, для того и нужен единый правитель. А Гостомысла вините зря, в первых рядах он не стоял, но и за спинами чужими не прятался. А что сам мечом не махал, так ведь старик.

Снова слышались гневные крики, но, на этот раз были и те, кто поддержал говорившего: «Верно, воевода говорит, нельзя без князя. Что хотел, боярин? Говори, не томи».

Желыба прокашлялся:

– По воле княжьей уплыли на запад послы. Будем ждать, когда приплывут внуки Гостомыслы...

«Чего ждать!? Одних варягов прогнали, так теперь другим шею подставляем. Приходите, да режьте нас, точно скот», – слышалось из толпы.

На нижние ступени помоста взбежал щуплый мужик:

– Умилины дети, те кого Гостомысл призвал, они ж тоже варяжского роду. Глянь, боярин, деревни горят, причалы порушены, сколько люду сгинуло, а вы к варягам гонцов. Придут они, а ну как, тоже самое учинят?

Воевода невольно отступил, потупился. Толпа продолжала реветь, но притихла, когда на помост взобрался старик Багоня:

– Все вы меня знаете. Всю жизнь при князе покойном служил, а потому молчать не стану. С варягами ещё Буриной³¹ воевал, да только варяги они всякие бывают. Умилу, в своё время, за Годолоуба замуж отдали. Он сам из бодричей³², а они роду славянского, на одном с нами языке говорят, одним с нами богам молятся.

Пока Багоня говорил, щуплого мужика силой стащили с помоста. Багоня тем временем продолжил:

– А для чего народу князь. Князь, он щит и меч, люду мирному защита. А, что мечи у варягов крепки, то все знают. Они и распри и усобицы прекратят, да врагов в наши земли не пустят. Они наследники умершего князя, других нет.

– Как это нет? – на помост поднялся один из купцов. – Есть у нас княжич Лучезар. Он самим Гостомыслом признан, а стало быть, право на наследие имеет.

Толпа снова ожила, то там, то здесь раздались гневные крики и ругань. До открытых стычек пока не дошло.

– А что Лучезар воин, так то многие видели, – продолжил купец. – Когда варяги на приступ шли, кто тогда ворота городские отбил? Кто врагов со стены сбросил? Лучезар с дружиной, верно говорю, Живан?

Стоящий поодаль сотник опустил голову.

– Зачем нам чужак!? Своего хотим! – что было сил, заорал Голяш.

– Лучезара князем! – поддержал приятеля Надей.

На мгновение толпа притихла и вспыхнула, словно сухой валежник.

– Лучезара хотим, Лучезара князем! – орали люди.

Но и противников у приёмыша нашлось предостаточно. Кто-то кого-то задел, кто-то пихнул, началась потасовка. Вся площадь пришла в движение. Балты-наёмники и прислуга Луче-

³¹ Буриной – легендарный князь словен, отец Гостомысла.

³² Бодричи (ободриты, ререги) – средневековый союз западно-славянских племён.

зара сплотились вокруг княжича. Их набралось с полсотни, но Лучезар выжидал. Живан, люди которого в этот день следили за порядком, ревел как медведь, стараясь утихомирить толпу. До камней и кольев ещё не дошло, но на лицах драчунов уже появилась первая кровь. Волнения нарастали. На окраине площади дрались уже не меньше сотни человек. Стражники Живана никак не могли унять разъярённое скопище.

«Они признают и уважают лишь силу» – Лучезар обменялся взглядами с Виттом. Гинта тоже понял приказ. То, что его люди пришли на площадь с оружием, Лучезар знал. Он, наконец-то, решился, но в этот момент на площадь выехали всадники и со свистом и гиканьем врезались в толпу.

Порой мгновения решают всё, и когда до победы остаётся лишь несколько взмахов меча, чья-то шальная стрела обрывает твою жизнь, а победа достаётся другому. Рассекая буянов грудью коней, хлеща особо ретивых плётками, новые участники сборища быстро укротили толпу. Буяны отхлынули и расступились, уступая дорогу внезапно налетевшим всадникам. Люди, не столько испугались, сколько были обескуражены столь внезапной атакой. «Кто такие? Откуда взялись?» – драчуны с интересом расспрашивали тех, кого, только что, трясли за грудки, и кому тыкали кулаками в рожу. Они вытирали окровавленные носы, вытягивая шею. Предводитель прибывших, тем временем подъехал к центру. Он ловко соскочил с коня и взбежал на помост:

– Здорово новгородцы! А у вас смотрю всё по-прежнему, морды бьют да юшку льют. Чего опять не поделили?

Видя, что конники никого не прибили до смерти, а напротив, прекратили братоубийство, мужичье поутихло. На лицах боянов появились ухмылки.

– А ты сам-то, сокол, чьих будешь!?! – крикнули из толпы. – Откуда такой герой выискался!?

– Родом я из здешних мест, а вернулся издалека. Погулял по свету, да на родину потянуло.

«Да это же Вадим – пронеслось по рядам – Гостомыслов родич. Видать надоело болгарам служить, вот и вернулся». Лучезар весь бледный смотрел на происходящее как сквозь пелену тумана. Момент был упущен, и заветная цель снова стала недостижимой. Негромко, чтобы его больше никто не услышал, он шепнул Витту в самое ухо: «Уводи своих, сегодня ничего больше не случится». Вожак наёмников кивнул, ни один мускул на его лице не дрогнул. Из толпы слышались крики и смех, многие обступили всадников, спрашивали их, признав старых знакомых. Люди Лучезара поодиночке и группами покидали площадь, но никто не обращал на это особого внимания.

– Ты, уж признайся, боярин, – Желыба смотрел на Вадима с укоризной. – Сам-то, небось, тоже на княжье место метишь?

– Не за тем я вернулся, что бы воду мутить. Да и покинул я царство болгарское задолго до того, как умер ваш князь. Устал я воевать, по земле родной соскучился, по зиме нашей, по снегу.

На молодого воина многие смотрели с восхищением.

– Молодец боярин. Ну, чем не князь? – толпа снова разошлась. – Знаем мы род Вадимов. Предки его люди знатные, уважаемые. Люб нам такой князь!

– Вадима князем! Вадима!

Лучезар, который остался без свиты аж сплюнул: «Вот дурачьё непостоянное!». Всё могло начаться заново, но в этот момент на помост поднялся приземистый мужчина в зелёном кафтане. В годах, с огромным шрамом на щеке, новый оратор встал, широко расставив ноги, и ждал, когда народ поутихнет.

– Елага. Елага это, воевода изборский.

Народ с любопытством взирал на прибывшего, на подмогу новгородцам, боярина. Воевода огляделся, задержав взгляд на Лучезаре и Вадиме:

– Всё галдите, да спорите, а варяги тем временем земли наши грабят. Новгород взять не сумели, а что для них деревни, да города малые. Эх, велика наша земля, а порядка в ней нет, – воевода говорил, щуя правый глаз, – нет единой власти, закона. Пока будем вот так судачить, да каждый раз порядки новые придумывать, враги от наших домов камня на камне не оставят. Повелел Гостомысл внуков своих разыскать, значит, так тому и быть. Люди для того дела уж назначены. А пока нет законных наследников, пусть выбранный посадник правит. Временный. Но, не из этих, – воевода указал на Лучезара и Вадима. – Они, небось, себя уж князьями видят. А сейчас войско надо поднимать, да по варяжьему следу идти, да так по ним вдарить, чтобы носа сюда более не совали.

– Верно, кривич говорит, – согласился Желыба. – Того выбрать надо, кто место подержит до поры до времени, пока законные наследники не явятся. А через год, коль варягов приглашённых не дождётся, вновь соберёмся, да потолкуем, как нам дальше жить.

– А давай Елагу и выберем, – вмешался купец Заброта. – Он муж толковый, мудрый, к тому же воин отменный.

Воевода неодобрительно покосился на говорившего, но купца поддержали. После непродолжительных споров под громкие крики посадником избрали кривича Елагу.

Конунг Ингельд смотрел на небо, любуясь кружащими над головой птицами. Потревоженные людьми, лебеди парили, изредка издавая громкие звуки. «Лебедь не ворон, он не любит сражения и кровь. Может это знак, что пора уходить?». Вспомнился недавний штурм. Всё началось неплохо. Туман, утро, внезапный налёт, даже этот трусливый княжич не обманул и разжёг сигнальные огни. Войско подошло к городу незамеченным, но, потом всё пошло не так. При высадке, один из кормчих в тумане слишком поздно заметил подводный камень и его корабль врезался в соседа. Ингельд вспоминал тот скрежет и крики с дрожью. Двоих воинов зажало меж бортов, ещё несколько свалились в воду. Расплющенные тела, увидели многие. Те, кто оказался рядом, принялись вылавливать упавших, и время было потеряно.

– Недобрый знак, – произнёс тогда ворчун Эгиль. – Первая кровь наша.

– Оставьте их. К воротам! – Ингельд сам повёл войско на штурм.

Заспанная стража уже захлопнула ворота, но мощный удар тарана не дал накинуть засовы. Ворота заклинило. Сквозь небольшую брешь несколько викингов ворвались внутрь. Они быстро расправились с охраной, но пока рубили петли, подошла новгородская дружина. Точнее те, кто успел. С этими пришлось повозиться, но в этот момент подоспели новые защитники. Те сражались ещё лучше и ворота были отбиты. Ингельду пришлось отвести людей. Захваченный участок стены тоже отстоять не удалось.

Грабёж окрестный поселений не дал того, что мог дать Хольмгард, будь от захвачен, но малая добыча лучше никакой. Воины грузили кожи, зерно, меха. Теперь главное, убраться восвояси. Новгород уже собрал большие силы. К конунгу подошёл Эгиль:

– Большое войско, идут сюда, можем не успеть.

– Сколько кораблей загружено?

– Восемь и четыре баржи, все доверху. На остальных почти закончили, люди спешат. Хуже всего с теми двумя, что столкнулись. В одном большая дыра.

– Уж постарайтесь. Я не хочу терять хороший драккар.

Эгиль кивнул.

– Ах да, воины поймали лазутчика. Это тот самый прислужник хольмгардского княжича, его схватили, когда он пытался пробраться к пленникам.

– Приведи его ко мне.

Громкие крики помешали кормчему выполнить приказ. Вдалеке показалась облако пыли. Эгиль весь напрягся:

– Новгородское войско. Что будем делать, уплываем, или примем бой?

Словно охотничьи псы, принявшие боевую стойку, воины ждали решения. Конунг выжидал лишь мгновение. Он снова поднял глаза: «Лебеди – мирные птицы. Будем считать это знаком».

– Бой ничего не даст. Ктому моменту, когда они поравняются с теми деревьями, корабли должны отойти.

Крики хёвдингов заглушили прочие звуки. Врагов много, добыча велика. Наименее ценное бросали: обычная волчья тактика, перерезать всё стадо, а унести только то, что по силам. Вода возле кораблей пенилась. Эгиль занял своё место на корме. О Лейве, которого просил привести конунг, просто забыли.

Когда новгородское войско подошло к опустевшему лагерю, варяги уже были далеко. У самого берега, где недавно стояли корабли, плавала лишь парочка лебедей.

Глава пятая В неволе

Хлопья, лёгкие, словно пух, кружили в воздухе, гонимые ветром. Он дул с моря, которое раскинулось за каменистой грядой. Возвышенность тянулась извилистой лентой и заканчивалась высокими скалами, твёрдыми и острыми, словно наконечники копий. Утро выдалось пасмурным и немного мрачным, поэтому люди в домах, протопленных с вечера, не спешили выбраться из тёплых жилищ. Солнце почти не грело, потому что завеса падающего снега не пускала тепло, а ложилась холодным пластом на промёрзшую землю. Но, несмотря на холод и сырость, двое мужчин, занятых делом, не ощущали укусов морозного дня. Под звонкие удары, глухое шипение мехов и треск раскалённых углей, они неторопливо делали свою работу. Горн, закреплённый на возвышении, то и дело шипел, дыша огненным жаром, кузница работала постоянно, поэтому создаваемый ею шум давно стал обыденным и привычным.

Бритоголовый кузнец, сложив руки на груди, наблюдал за работой ученика. Светлая по сути, но почерневшая от копоти, борода мужчины, заплетённая в тугую косу, свисала, исчезающая за отворотом фартука. Ровные как стрелы брови выгнулись, губы сжались в узкую полоску. Мужчина был одет в почерневшие от сажи штаны и кожаный фартук, с плеч свисала мохнатая безрукавка из козьей шкуры. Его звали Сакс³³, как других звали Готами, Финнами или Славянами. Северяне не утруждали себя запоминанием сложно произносимых и непонятных имён своих рабов. Трель – всё равно, что вещь, лопата или котёл для варки еды, ему не обязательно иметь что-то своё, пусть даже это его собственное имя.

– Держи пласт ровнее и не оттягивай руку при ударе, – бритоголовый мастер шагнул вперёд, но, тут же отступил, поняв, что ученик и сам в состоянии исправить ошибку. Даньша, не выпуская молота, вытер вспотевший лоб. Искры летели на земляной пол, шипели и гасли, превращаясь в тёмную хрустящую массу.

– Лучше подмечай место для удара, ощути, где сталь мягкая, а где нет, да не забывай просить о милости Велунда³⁴.

«Молись своему хромоногому сам, – хмыкнул Даньша. – Наши боги не хуже кузнецам помогают». Не доверяя чужим богам, парень всё же понимал, что лучшего мастера-оружей-

³³ Саксы – северо-восточная группа древнегерманских племён, которые вместе с англами и ютами основали на острове Британия современный английский этнос.

³⁴ Велунд – хромоногий бог-кузнец в германской мифологии.

ника, чем этот германец, он раньше не встречал. Дядька Валдай научил племянника ковать подковы, косы, да топоры. Сакс же, помимо этого, мог изготовить настоящий меч, боевой шлем и, даже кольчугу. Таких умений от молодого деревенского кузнеца никто раньше не требовал.

Ещё несколько часов подмастерье усердно трудился.

– Готово, – радость переполняла Даньшу.

Оба, мастер и ученик вышли на улицу, холодный воздух трепал влажные волосы и охлаждал распаренные тела. Сакс аккуратно взял изделие, оглядел с видом знатока и вернул обратно:

– Отдохни, а затем приступим к закалке.

Даньша, вертя в руках заготовку, сделал несколько шагов в сторону моря: «Когда-нибудь, я буду не только ковать мечи, но и научусь ими владеть. Я не собираюсь всю жизнь оставаться рабом».

От воды веяло холодом.

1

Их сковали общей цепью, чтобы не нашлось таких, кто пожелал бы выпрыгнуть за борт и свести счёты с жизнью. Корабль, на котором плыл Даньша, помимо основной команды вместил ещё семнадцать невольников. Будущие трели, оборванные, изголодавшиеся, жались друг к дружке, тщетно пытаясь согреться.

Рана на голове давала о себе знать, но тошнота и рвота прошли. Не зря говорят: «Время лечит». Правда тому были и другие причины. Предприимчивые хозяева, увидев, что непривычные к качке пленники страдают морской болезнью, просто-напросто их не кормили. Через несколько дней один из невольников умер, затем ещё двое. К тому времени остальные перестали страдать из-за качки, и викинги, скинув умерших за борт, впервые накормили выживших пленников какими-то помоями.

– Мне совсем не нравятся эти тучи, – Эгиль заметно нервничал. – Будет шторм, и начнётся он раньше, чем мы доберёмся до суши.

– Что мы можем сделать? – волнение горбуна передалось конунгу.

– Возможно, придётся выкинуть часть добычи, драккары перегружены.

– Это нужно сделать сейчас?

– Я не знаю. Берег уже должен показаться, но если начнётся буря... В этих местах сплошные рифы.

Первые раскаты грома заглушили последние слова кормчего. Они прозвучали почти одновременно со вспышками молний. Гребцы налегли на вёсла, и корабли устремились вперёд. Дождь обрушился резко, мощным потоком. На горизонте, наконец-то показалась земля.

– Нас несёт на рифы, как я и говорил! – Эгиль управлял кораблём одной рукой, второй привязывал себя к рулевому веслу.

Драккар бросало, точно скорлупку, но горбун, словно клещ, прилип к палубе и громко ругался. Ветер и грохот заглушали большую часть слов. Конунг тоже привязал себя к мачте, он не вмешивался в управление кораблём.

– Нужно сбросить лишний груз! – послышалось с кормы.

Корабль уткнулся носом в очередную волну, накренился, но удержался на плаву. Воины бросились выбрасывать тюки с добычей. Одна баржа едва не налетела на «Вепря», но Эгиль изо всех сил налёг на руль, и корабль ушёл от столкновения. Перегруженная баржа, накрытая следующей волной, ушла под воду, словно стальная наковальня. Ингельд размышлял, видя, как стихия губит остальные корабли: «Сначала мы потерпели поражение, а теперь вся взятая добыча опускается на дно. Это конец. Но, даже если мы выживем...».

Вернуться в свои земли, оставленные и опустошённые. Что ждёт его там, без сильного войска, без добычи? Теперь он ниддинг – изгой. Может поклониться в ноги королю, которого он предал и тот пощадит? Вряд ли.

Ингельд сквозь стену брызг разглядел Эгиля, тот передав руль помощнику, хватаясь за корабельные скамьи, пробирался на нос корабля. Горбун сделал очередной прыжок и остановился, неподалёку от конунга.

– Я вперёд, с кормы ничего не видно, а сейчас нужно знать, что у нас под килем! – вечно недовольный кормчий, на этот раз улыбался.

От этой улыбки Ингельду ещё больше стало не по себе:

– Не понимаю!

– Впереди бухта, нужно пробраться к ней и переждать бурю!

Ингельд, не разделявший радости главного кормчего, пытался разглядеть бухту, о которой говорил горбун. В этот момент, идущий параллельно с «Вепрем» драккар, накрыло волной. Корабль покосился, и завалился на бок. Ингельд и Эгиль смотрели, как море забирает барахтающихся в волнах людей.

Кормчий и конунг переглянулись.

– Мне пора! – крикнул Эгиль и рванул вперёд.

В этот момент сильный удар потряс судно. Ингельд видел, как одноглазый кормчий ударился о борт корабля. Мачта треснула и рухнула, едва не утащив за собой конунга. Палуба под ногами ходила, он едва успел ухватиться за канат. Новая вспышка ослепила вожака данов, раскат грома заложил уши.

– Налегайте на вёсла, бездельники, если не хотите, что бы рыбы жрали ваши потроха! – послышался приглушённый крик.

Эгиль, по-прежнему, руководил командой, Ингельд вздохнул с облегчением. В этот момент судно накренилось, и вода хлынула с правого борта.

– У нас течь! – заорал кто-то.

Ингельд бросился к месту, где образовалась пробоина. Несколько человек пытались заткнуть ее, чем придётся, кто-то вычерпывал воду. Люди боролись за свои жизни. «Если мы выживем, я пойду к королю. Меня он не пощадит, но моих людей не тронет» – вознося молитвы, конунг вместе со всеми вычерпывал воду. Корабль продолжал погружаться.

Несколько крючьев упали на палубу. Они поползли к бортам, словно огромные крабы, верёвки, на которых они висели, натянулись и «Вепря» потащило в сторону.

– Заберите меня в свои норы, чёрные дварфы³⁵. Это ты, старый обжора, – откуда-то сбоку раздался хохот Эгиля.

Оказавшийся рядом драккар, зацепив, «Вепря» абордажными крючьями и помог тонущему «собрату» удержаться на плаву. Кормчий «великодушного соседа» – Берси, не слыша слов одноглазого, что-то кричал своим гребцам, держась за рулевое весло. Воины с «Вепря» уже прыгали на палубу корабля-спасителя. Прикованные цепью пленники, молили о помощи, но их никто не слушал.

Вскоре все викинги и сам конунг покинули борт тонущего корабля. Последним перебрался Эгиль.

– Ты очень вовремя, толстяк, – горбун схватил Берси за затылок и притянул к себе. – Знал бы ты, как я рад тебя видеть.

Берси, маленький крепыш с толстой шеей и торчащей во все стороны сосульками бородой ощерился:

– Плыл мимо, смотрю...

– Довольно, пора рубить канаты.

³⁵ Дварфы (миф.) – тёмные эльфы в скандинавской мифологии. Маленькие существа, живущие под землёй.

Эгиль не успел договорить. Страшный удар потряс оба судна, многие попадали с ног. Корабль, принявший на борт людей конунга, буквально, развалился пополам, рифы на этом участке торчали повсюду.

В считанные минуты пучина поглотила всех.

Оставшиеся пять кораблей уцелевшие после шторма в течение трёх дней пережидали бурю. Даньша видел смерть конунга и его людей, видел, как шли ко дну и другие драккары флотилии. Корабль, на котором везли Даньшу, один из последних добрался до спасительной бухты.

Когда буря утихла, Даньша приподнялся на локтях и вытянул шею. Он рассматривал уцелевшие суда и незнакомую землю. Каменистые берега, холодные, голые, поросшие редкими кустами и мхом, одновременно радовали и пугали. «Что теперь будет? Что меня ждёт?». Ещё один пленник, осматривая окрестности, мучился такими же вопросами. Но, помимо этого, в голове Лейва засела ещё одна мысль: «Как же мне до тебя добраться?». Пожилой пленник уже давно приметил вихрастую голову, торчащую над бортом соседнего корабля.

2

Когда ярл Скегги – владелец местечка под названием Бай Хвалер, крепкий мужчина лет пятидесяти пяти, с круглым, как шар лицом и приплюснутым носом поклялся в верности Ингельду, его хирд насчитывал пятьдесят шесть викингов. Вернувшись из похода, Скегги лишился одного из двух своих драккаров и потерял две трети людей. Почти всё награбленное во время шторма выбросили за борт, а уцелевший драккар требовал ремонта. Словно раненный зверь, добравшийся до собственного логова, Скегги зализывал раны. Единственным приобретением ярла, после раздела добычи, стали двенадцать выживших пленников. Чтобы отремонтировать корабль, Скегги решил продать десятерых. Местные бонды, даже не слишком богатые, охотно покупали пленников-славян. В любом, даже маленьком хозяйстве, всегда не хватает рабочих рук. Оставшихся двоих Скегги решил использовать в китобойном промысле, но ярл кое-что не учёл.

Вандис – его молодая жена заявила, что ей нужен трель для воспитания детей. Старый наставник-финн уже не справлялся с двумя подрастающими сыновьями Скегги, и Вандис потребовала ещё одного помощника. Как Скегги не старался отговорить супругу, жена настояла на своём. Крепя сердце, Скегги согласился, уступив одного из оставшихся пленников. Этим пленником оказался Лейв.

Как-то утром ярл решил прогуляться. Он встал рано и вышел во двор. Вечное брюзжание Вандис и крики детей в последнее время порядком утомляли мужчину. «До чего же женщины бывают глупы, – рассуждал Скегги, ёжась от холода. – Конец весны, начинается охота на китов, когда нужны каждые рабочие руки, а она думает об удобствах». Скегги сильно корил себя за неудачный поход, в ходе которого потерял почти всё: «В последнее время я только и делаю, что подсчитываю убытки».

Тихий голос прервал размышления мужчины:

– Прости, господин, что отвлекаю, но я хотел просить отдать мне одного из пленников».

Скегги обернулся и увидел Сакса-кузнеца.

– Да вы, что тут, все сговорились!? Одной подавай нянек, другому... – ярл замер на полуслове. – Постой, ты хочешь взять ученика?

Перепаханный сажей Сакс нервно тербил заплетённую в косу бородку. Этот кузнец трудился на ярла уже семь лет, Скегги привёз его из Британи. Неказистый с виду трель оказался ценным приобретением. Он умел делать оружие, и, поэтому, занимал в хозяйстве ярла особое положение.

– Этот юноша уже работал в кузнице, – Сакс коверкал слова. – Я говорил с ним и думаю, что смогу его обучить.

Лицо Скегги расплылось в улыбке. Хороший мастеровой всегда полезнее обычного мяльщика кож. Если парень научится ковать наконечники копий и делать мечи, от него будет гораздо больше проку, Скегги почувствовал запах наживы. У народов, живущих войной, оружие всегда ценилось выше прочих товаров.

– Забирай, но я хочу видеть результаты, – ярл ухватил Сакса за ворот рубахи и притянул к себе. – Если от него не будет проку...

3

Жизнь треля лёгкой не назовёшь. Правда, те, кто попадал в хозяйство к бондам-землепашцам, в основном, трудились на полях, пасли скот и ловили рыбу. Хозяева этих трелей сами гнули спины и для них купленные рабы становились чуть ли не полноправными членами семей, а вот пленники, которые попадали в рабство к богатым землевладельцам и знати...

Свежевать туши убитых кашалотов, выделывать их кожу, стоя по колено в ледяной воде, собирать гагачий пух на покрытых помётом птичьих базарах, убирать нечистоты и останки рыбного промысла – работа не для каждого. Холод, сырость и вонь, не многие выдерживали такое. Так, что Даньше, получившему работу в кузнице, многие невольники могли лишь позавидовать. Мастера ценились высоко и имели ряд привилегий: хорошая еда, тёплая одежда, сносные условия проживания. Тот, кто приносит прибыль хозяину, требует затрат и тут Скегги не скупился. И хотя трудиться приходилось почти свободное время, мастеровым завидовали все, или почти все. Лейву ставшему нянькой двух сыновей хозяина, повезло не меньше. Хотя кто сказал, что воспитывать волчат, лёгкое дело?

– Уффо! Фрото! Идите сюда.

Два белобрысых мальчугана, такие же плосконосые и круглолицые, как и их папаша, побежали к пожилому наставнику.

– Мы будем сегодня играть в воинов, или поплывём за сокровищами?

– Нет, я слишком устал и у меня болит спина, – мужчина ухватился за поясницу. – Но, если хотите, я расскажу вам историю о морском чудовище, которое похитило прекрасную деву, а отважный воин отправился на её поиски.

– Да! Да! Хотим! Расскажи!

От крика мальчишек у Лейва звенело в ушах. Глядя на детей он вспоминал свою молодость, вспоминал другого мальчика, которого он когда-то растил: «Где теперь Лучезар? Добился ли он своего?». Лейв не винил бывшего хозяина за то, что произошло, но не выполненный приказ тяготил старого воина.

Вандис, видя привязанность сыновей к новому воспитателю, ликовала: «Скегги жадный и глупый. Этот трель – настоящий клад. Он так ловко обращается с детьми, знает столько игр и историй. Почему мужчины так упрямы?». Вспоминая, сколько усилий она потратила, чтобы уговорить мужа отдать ей этого пленника, Вандис качала головой. Если сам Скегги-ярл имел вид довольно таки непривлекательный, то Вандис даже самые лютые недруги называли красавицей. Лейв даже сравнивал её с мифической Гердой, принесшей себя в жертву³⁶. Величавая и прекрасная, жена ярла наблюдала за играми сыновей и почти с нежностью взирала на их нового наставника: «Старого Финна, я прикажу прогнать. От него никакого толку, только брюзжит и ругается. Пусть муж забирает его, а Лейв (Вандис в отличие от принятых правил, называла воспитателя своих детей по имени) вполне справится и один». Предвкушая

³⁶ Герда – красавица-великанша. Согласно приданиям согласившаяся стать женой влюблённого в неё бога плодородия Фрейера, лишь только после того, как посланец Фрейера – Скирнир посулил наложить на нее заклятие уродства и вечного изгнания. (миф.)

гримасу, которая появиться на лице отставного слуги, Вандис расхохоталась. Новый раб продолжал резвиться с детьми.

4

Лейв действительно привязался к детям, но не забывал о данном ему поручении: «Человек, которого я должен убить, здесь, рядом». Когда он увидел Даньшу на палубе соседнего корабля, в бухте, после шторма, он испытал облегчение. Когда узнал, что и он сам, и его будущая жертва попали в услужение к одному и тому же хозяину, Лейв не поверил в свою удачу.

Юноша работал на кузнице, а Лейв строил планы.

Он больше не допустит ошибки, как тогда, в первый раз, когда он, пробравшись в лагерь конунга, позабыл об осторожности. Тогда люди Ингельда легко обнаружили Лейва и связали. Если бы конунг не погиб во время шторма вместе со своим горбуном-кормчим, кто знает, как бы поменялась судьба убийцы-неудачника. Сейчас он просто трель в доме местного ярла, и он выполнит поручение бывшего хозяина.

Даже здесь в стране воинов, где полным полно копий, топоров и клинков, достать подходящий экземпляр оказалось не просто. Люди не разбрасывают то, от чего зависит их жизнь, на поиски оружия ушел целый месяц.

– Пиво в твоём животе урчит, и от этого у тебя трясутся руки, Гунар, – сутулый мужчина с кривым носом и бледным лицом набивал живот мучной болтушкой. Он сидел, скрючившись над огромной миской, и запивал мутное варево медовухой. Ещё дюжина викингов Скегги хлебала пиво и поедала огромное количество снеди, наваленной на стол. Не покупившись, Скегги устроил пирушку в честь завершения охоты на китов. Перед столом, покачиваясь стоял пузатый здоровяк и громко рыгал.

– Как бы не тряслись мои руки, они никогда меня не подводили, – здоровяк, которого назвали Гунаром, подошёл к стене и сорвал, висевший на ней небольшой топорик. – И сейчас я вам это докажу.

Мужчина занёс оружие над головой, пошатнулся и чуть не упал. Сидевшие за столом воины хохотали, подзадоривая пьяного толстяка. Вандис, сидевшая в самом углу, с неприязнью поглядывала на гуляк. Хозяин пирушки, тоже изрядно захмелевший, лишь глуповато улыбался.

– Ставлю медвежью шкуру, против твоего пояса, что ты не сможешь попасть в этот столб, – продолжал умиляться кривоносий.

– Мой пояс стоит дороже медвежьей шкуры, и ты это прекрасно знаешь, Атли. Я купил его у арабского купца в Хедебю³⁷ и заплатил серебром.

– Ха! Тебя обманули и всучили подделку. Твой пояс украшен обычными бляхами из меди, он ничего не стоит.

– На, посмотри!

Рассвирепевший Гунар рванул с себя пояс и швырнул в лицо обидчика. Атли, которому пряжкой рассекло бровь, вскочил, перевернув стул:

– Я не посмотрю, что ты пьян, толстяк! Ты пожалеешь, что так поступил!

В одно мгновение Скегги протрезвел и рывкнул так, что оба буяна притихли:

– Я не хочу крови в моём доме и не позволю вам рвать друг другу глотки по пустякам. Если решил показать своё мастерство, Гунар, показывай, а ты, Атли оставь его в покое.

Два грубияна, ещё какое-то время косились друг на друга, но вскоре присмирели. Гунар встал стойку, изловчился и, резким движением метнул топор в торчащий из земляного пола столб. Топор пролетел мимо цели и грохнулся о стену. Все захохотали. Недовольный Гунар, принялся оправдываться, но его не слушали. Несколько человек заняли место неудачника

³⁷ Хедебю – торговый порт Дании в эпоху викингов.

и тоже принялись метать топоры в цель. Вандис покинула место пиршества, а Лейв, который прислуживал хозяйке за столом, спрятался за дверь. Праздник длился ещё несколько часов, пока гуляки не попадали с ног. Под громкий храп и сопение Лейв выбрался из своего укрытия. «Где-то здесь, – старик ползал по полу, шаря в темноте руками. – Есть. Нашёл». Мужчина поднял с земли оброненный клинок. Когда Гунар сорвал с себя пояс, из его складок выпал нож. Захмелевший хозяин этого не заметил, зато заметил следящий за здоровяком Лейв.

Старик выбрался на улицу и в свете луны осмотрел находку: клинок с листовидным лезвием, прямой гардой и чуть изогнутой рукоятью из ясеня. Лейв огляделся и поспешил в своё жилище. Он смазал лезвие китовым жиром, бережно завернул нож в тряпицу и спрятал под большим камнем. Он снова приготовился ждать.

5

– Ты не разочаровал меня, кузнец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.